

18+

Балет теней

Панкратов Андрей

Андрей Панкратов

Балет теней. Акт первый

«Издательские решения»

Панкратов А. И.

Балет теней. Акт первый / А. И. Панкратов — «Издательские решения»,

В эпоху открытий в послевоенном Париже 1921 года Льюис Элисон создаёт устройство, взламывающее время, и оказывается в Париже 1610 года, где ждут премьеры балета об Альцине. Короля ждёт иная премьера — его роль главная. Зреют заговоры, пылает любовь. Те, кто вершит историю, встречаются с теми, кого в ней быть не должно. Судьбоносная премьера — лишь первый акт. В тени — убийцы и кукловоды, для которых время — оружие. Тайны прошлого не терпят, когда их тревожат. Заплатит тот, кто ошибётся первым.

Содержание

Глава 1. Сумрачная погоня	6
Глава 2. Портрет	9
Глава 3. Золотые руки	11
Глава 4. Четвертая свеча	15
Глава 5. Истязание	18
Глава 6. Искры спасения	21
Глава 7. Конечная станция	24
Глава 8. Чужие штрихи	27
Глава 9. Сдвиг базилики	29
Глава 10. Франсуа Равальяк	32
Глава 11. Камень братьев	35
Глава 12. Ария лжи	37
Глава 13 Самосуд	39
Глава 14. Пятно времени	42
Глава 15. Долгожданный разговор	45
Глава 16. Гавриил и Самаэль	47
Глава 17. Золотая клетка	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Балет теней

Акт первый

Андрей Игоревич Панкратов

© Андрей Игоревич Панкратов, 2026

ISBN 978-5-0069-8227-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-8228-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Сумрачная погоня

День выдался пасмурным и туманным. Низкие, гнетущие тучи заволокли небо. На улицах уже горели фонари, их тусклый свет тонул в пелене. Местные жители, кутаясь в потрепанные пальто и шарфы, торопливо возвращались домой после рабочего дня. Внезапно вечернюю тишину разорвали отрывистые хлопки выстрелов. Льюис Элисон оказался одним из первых, кто услышал их и сразу — нутром — понял: это не капризы погоды и не грохот грузовика. Мельком увидев упавшие на мокрую брусчатку темные фигуры, он, не помня себя от ужаса, бросился прочь.

Льюис метнулся в первый попавшийся проулок, надеясь сократить путь и скрыться. Поблуждав в лабиринте задних дворов и тупиков, он выбежал на широкую улицу и замер в оцепенении: он оказался еще ближе к месту перестрелки. Видимо, в панике потерял ориентацию. Холодный ком страха, копившийся внутри, вдруг достиг горла и перерос в слепую панику. Мужчина побежал, не разбирая дороги, не глядя по сторонам... И вдруг споткнулся о что-то мягкое и в то же время неподатливое, потерял равновесие и рухнул на острые камни мостовой. Дождь уже успел превратить ее в холодное, скользкое месиво. Очнувшись, Льюис вздрогнул от осознания: «это» было человеком. Раненый, со стеклянным взглядом, вцепился мокрыми пальцами в его щиколотку и хрипло, почти беззвучно, завопил о помощи. Льюис вскрикнул, инстинктивно дернулся, вырвал ногу из слабеющей хватки и, подталкиваемый животным ужасом, помчался дальше.

«Этот кошмар подстерегал меня... — бежала в голове путаная мысль. — Он не должен был меня заметить...» Сердце колотилось так яростно, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Тело ныло от острой боли в боку и жжения в легких, каждый вдох резал горло ледяной бритвой, но первобытный инстинкт самосохранения гнал его вперед.

Тем временем незнакомец, учинивший расправу, чувствовал прилив неестественной бодрости. Им двигала не просто жажда крови, но холодный азарт хищника. Выискивая новую цель, он краем глаза отметил мелькнувшую вдали тень, уловил отрывистый стук каблуков по камню. Он ринулся в погоню. Резко свернув за угол, преследователь увидел убегающего мужчину в развевающемся на бегу темном пальто. Хищник ускорился, но его нога наткнулась на преграду — это был тот самый молодой парень, раненый ранее. Тот еще был жив, пытался ползти, оставляя на брусчатке темный, влажный след. Не колеблясь ни секунды, он взвел курок и хладнокровно добил жертву. Но драгоценные мгновения были упущены, и его цель скрылась.

Злорадная ухмылка на бледном, как полотно, лице сползла... Свидетель... который мог привести полицию.

«Не уйдешь», — прошипел сквозь стиснутые зубы человек по имени Лион Мартези, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. После томительной паузы он уловил долгожданный сигнал: впереди, в боковой аллее, снова чей-то ботинок громко шлепнул по луже. Мартези помчался на звук. Он пересек несколько улиц и возле старой, поблекшей вывески кафе «Проворный кролик» наконец увидел свою цель: тот, отчаянно расталкивая кучку подвыпивших гуляк, пытался прорваться. Лион замедлил шаг, слившись с тенью переулка. Его жертва металась, как муха в паутине, тратя силы на бессмысленное преодоление случайной преграды. Лион следил за этими судорожными движениями с холодным любопытством, и от страха жертвы ощущал внутри приятный трепет. Паника, — констатировал он мысленно. Хорошо. Испуганная дичь теряет бдительность, совершает ошибки, и сейчас она побежит в свою нору, приведет меня прямо к порогу. Это предвкушение было слаще любого вина и женских объятий. От него у Лиона закружилась голова. Грубо отшвырнув мешавших ему пьяниц, он заметил, как перепуганный мужчина юркнул в подъезд одного из домов. Лион мгновенно оценил обстановку. Спрятав пистолет, он расстегнул пальто и достал длинный нож с узким клинком. Ухмылка вернулась, и ему даже стало смешно: этот перепуганный беглец жил всего в нескольких переулках от места стрельбы.

Дом был старым, трехэтажным, из потертого красного кирпича, в таких домах о лифте можно было только мечтать. Комната Льюиса находилась на втором этаже и больше походила на рабочий кабинет. У большого окна, затянутого темно-синим бархатом, стоял массивный письменный стол, заваленный чертежами и деталями. В воздухе висели запахи старой бумаги, керосинки и дешевого табака. Но больше всего выдавала интересы хозяина коллекция, развешенная на стенах: несколько изящных рапир, пара кавалерийских сабель... не просто оружие, а исторические артефакты.

Лион с фотографической точностью запомнил и этот кирпичный фасад, и темную дверь, захлопнувшуюся за новой жертвой. Он уже сделал шаг к подъезду, но в этот момент с ближайшей улицы донесся нарастающий гул голосов и тяжелый топот. Где-то внизу густо зазвонили колокола базилики Сакре-Кёр, и в окнах соседних домов начали зажигаться огни. Лион сделал паузу, желая растянуть это приятное ощущение внутри. Он вынул из кармана серебряный портсигар, закурил с мелкой дрожью наслаждения, не спеша. Его взгляд еще раз скольз-

нул по освещенному окну на втором этаже. «До скорого, мсье», — мысленно произнес он, выпустив струйку дыма в сырой воздух. «У нас с тобой теперь есть негласная договоренность: ты будешь ждать, а я обязательно вернусь завершить эскиз, чтобы лично поставить подпись». Лион затянулся, помедлил, затем стряхнул пепел. Быть обнаруженным сейчас значило погубить все, придется отступить. С яростью, от которой свело скулы, он убрал нож и растворился в сети переулков, оставив за собой лишь потушенный лужицей, зашипевший окурок.

Глава 2. Портрет

Забежав в свой дом, Льюис, едва спасшийся от расправы, намертво закрыл дверь на все замки. Сердце все еще бешено колотилось, в ушах стоял звон. Он, стараясь не шуметь, пробрался к окну и, затаив дыхание, отодвинул край тяжелой темно-синей шторы. В туманном сумраке переулка было пусто. Облегченно выдохнув, он отшатнулся от окна и рухнул на кровать, ощутив, как трясутся колени и немеют пальцы.

Теперь, в гробовой тишине комнаты, звуки вернулись к нему с утроенной силой: он в тревоге вздрагивал от каждого скрипа и шороха. Его собственное дыхание было для него громким, как и стук сердца в ушах. В ноздрях, сквозь запах домашней пыли, все еще стоял тот едкий, сладковато-металлический шлейф крови и пороха. Его настигли мысли о преследователе, том силуэте с пистолетом, растворяющемся в тумане. Он думал о раненом, вспоминая как холодные пальцы вцепились в его щиколотку, а хриплый шепот преследовал теперь уже внутри, в памяти. Снова и снова он переживал тот ужас, дрожь, острое осознание близости смерти.

Чтобы унять внутреннюю дрожь, Льюис вскочил и зашагал по комнате, из угла в угол, как зверь в клетке. Он пытался восстановить образ убийцы. Всплывали обрывки: крепкое телосложение, средний рост, широкая спина. Темные волосы, зачесанные назад. Одежда: длинное темно-серое пальто, под ним — светлый жилет и рубашка. Черные брюки, тускло блеснувшие в свете фонаря туфли с округлыми носками... Детали расплывались, как пятна в тумане.

Постепенно мозг, преодолевая шок, начал складывать пазл. Он видел одного упавшего, но слышал серию четких, сухих хлопков. Значит, жертв было больше. От внезапного и ясного понимания, что на этом мокром камне мог лежать он сам, по щекам сами собой покатались горячие слезы. Он мог бы сейчас быть там — цепляющимся за последние секунды, не верящим, что все кончено.

Ему очень захотелось зафиксировать этот расплывающийся образ. Льюис рывком выдвинул верхний ящик стола, выхватил карандаш и лист ватмана. Он закрыл глаза, пытаясь вызвать самый четкий кадр: момент у кафе «Проворный кролик», когда тот обернулся, отталкивая пьяных. Карандаш дрожал в пальцах, оставляя на чистой бумаге неровные, ломаные штрихи. Льюис закусил губу, заставив себя дышать ровнее. Он закрыл глаза, отбрасывая страх, и заставил память работать. Лицо стало проступать из тьмы воспоминаний: глаза он не разобрал, но запомнились скулы, тень от надбровных дуг, линия рта, сложившаяся в ту самую ухмылку, темные волосы, зализывающие затылок, кривой, будто сдвинутый вбок нос, тяжелый подбородок.... Карандаш заскрипел увереннее и закрепил увиденное. На листе рождался портрет, который он непременно отнесет куда следует, чтобы поставить твердую точку в этом кошмаре.

Тревога не отпускала и ночь тянулась бесконечно, сон бежал от него, и чтобы заглушить навязчивый звук выстрелов в голове, он крутанул ручку самодельного детекторного приемника. Тихое шипение и скрипичная музыка заполнили комнату. Льюис испепелял рисунок взглядом, снова и снова проигрывая в голове маршрут своего бегства. В конце концов, он швырнул злосчастный лист на пол и, закрыв глаза, попытался думать о чем-то постороннем.

Скрипичная мелодия захлебнулась в треске помех, и из тарелки динамика прорвался голос, сдавленный и неестественно быстрый: «Внимание! Экстренное сообщение от префектуры полиции Сены...». Голос тонул в шипении, выплывал вновь, выкрикивая обрывки: «... трагедия на Монмартре... неизвестный преступник... расстрелял молодую семью и прохожих в 18-м округе, на Монмартре... несколько трупов... стрелок на свободе... населению рекомендовано...». Льюис замер, словно током ударило в каждый нерв. Это было официальное подтверждение. Его личный ужас теперь имел название, время и место в этом мире. Льюис замер. Район, всегда считавшийся тихим уголком... «Там дома стоят так тесно, что двум людям едва разминуться в переулке, — пронеслось в голове. — Может, это и было его целью, тесная ловушка, полигон для безумных игр».

И тогда Льюиса накрыла волна слепой ярости. Он вскочил и начал бить кулаками по стене, содрогнувшейся от глухих ударов, пока острая боль не пронзила костяшки. Затем, с рыком, опрокинул массивный письменный стол, грохнув на пол чертежи и книги. В этот же момент он услышал ответную возню от соседей с явным намеком прекратить внезапное буйство. Осознав это, он повалился на кровать и вцепился зубами в подушку, как дикий зверь в горло врага... Когда приступ агрессии иссяк, усталость вернулась. Он улегся как попало, в грязной одежде. Назойливые образы преследователя медленно поплыли, сливаясь с хаосом тяжелого, неглубокого сна. Измотанное тело наконец погрузилось в забытие, но разум не желал сдаваться. Сон предательски продолжил сумрачную погоню.

Глава 3. Золотые руки

Накануне он возвращался с ежегодного съезда естествоиспытателей в Городской академии наук, где представлял усовершенствованную модель радиоприемника. В заседании участвовал весь академический комитет. Главное достоинство его устройства заключалось в невиданной чувствительности, позволявшей улавливать сигнал из самых отдаленных уголков мира. В тот день в академии царила праздничная суета; воздух был напоен волнением и честолюбивыми надеждами. Каждый докладчик мечтал покорить научный мир, а публика жаждала сенсаций. Льюис шел домой с легкой, опьяняющей уверенностью, что его работу оценят по достоинству...

Погруженный в эти воспоминания, он уже начал забывать о вчерашнем кошмаре, который отступал, превращаясь в неясный, страшный сон... Тут с улицы донеслись знакомые звуки: это почтальон Адам, приятель Льюиса, опускал в ящик свежие газеты. Элисон улегся на кровать и принялся листать страницы дрожащими от волнения руками. Выпуск «Ne Figaro» от 16 ноября 1921 года пестрел заголовками и черно-белыми фотографиями. В этой газете всегда находили отражение самые громкие городские скандалы. И на первой полосе, на весь разворот, красовалась статья... о зверском убийстве пятерых человек в районе Монмартр.

«Да, это был не сон!» — схватившись за голову, твердил Льюис. Буквы на газетной странице поплыли. Льюис сглотнул комок, подступивший к горлу. Действительно, не сон: это было на бумаге, в типографских чернилах, которые стали окаменелым доказательством его вчерашнего кошмара. Его взгляд скользнул на ботинки у двери — грязные, покрытые засохшей глиной, — в которых он вчера неся, как затравленный зверь. На мятый комок рубашки, на брюки, испачканные уличной грязью. Он даже почувствовал запах сырой шерсти мокрого пальто и чего-то едкого, порохового. Надевать это сегодня на работу было немыслимо: это повлекло бы за собой массу лишних вопросов. Взяв свежую, тщательно отутюженную сорочку, он достал другие ботинки, начищенные до зеркального блеска, и скромный, но безупречный пиджак. Костюм придавал ему вид respectable человека, хотя капиталов за душой не водилось. Он хорошо знал, как должен выглядеть уважающий себя мужчина, и умел находить добротные вещи за бесценок на блошином рынке.

На выходе взгляд Льюиса зацепился за рапиру, висевшую на стене. Клинок холодно поблескивал в утреннем свете. Рука автоматически потянулась к изящной рукояти. Вес шпаги был знакомым и успокаивающим, раньше такое оружие основывалось на иных принципах, но правила вчерашнего дня были другими. Он вообразил, как идет по Монмартру с обнаженной шпагой, вызывая на себя взгляды, смех, а в конечном счете — внимание властей. Нет, это оружие для другого, устаревшего мира. «Не сходи с ума! — отрезал он себе, отгоняя навязчивую мысль. — Жаль, карманного „бульдога“ нет... Огнестрел сейчас пришелся бы кстати». Тут же он заметил валявшийся на полу листок с портретом. Наклонившись, он осторожно задвинул его под кровать, затем выключил свет и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Площадь Тертр, обычно радовавшая его хаотичной жизнью, сегодня казалась ловушкой. Яркие краски на мольбертах были слишком кричащими, смех окружающих — слишком резким. Каждый прохожий на мгновение превращался в того человека из вчерашнего кошмара. Льюис ловил себя на том, что выискивает в толпе мужчин в пальто, оценивает прическу, рост, походку. Собственные шаги отдавались в ушах подозрительно громко, и он то и дело нервно дышал, заслышав за спиной быстрый топот. Монмартр, его Монмартр, стал декорацией, в любой момент готовой ожить кошмаром. Пробираясь по извилистым улочкам, Льюис отмахивался от навязчивых предложений уличных художников. Любовь к искусству ему привили с детства, и он невольно вспомнил, как вместе с матерью покупал наивные пейзажи Монмартра у стен «Бато-Лавуар» — общежития для бедных художников, которое она в шутку называла «плавучей прачечной». Отец же, Гюстав, частенько пропадал с его обитателями в ближайших бистро и кабаре. Элизабет часто бранила мужа за то, что он завсегдатай в «Проворном кролике». Повзрослев, Льюис узнал, что это было самое шумное и популярное кабаре в округе. Повзрослев, порой и он коротал там вечера. Его мастерская-контора ютилась по соседству с этим самым «кораблем-прачечной». Отыскать ее было непросто, но молва о «золотых руках» мастера с Монмартра, способном починить что угодно — от сломанной швейной машинки до причудливого механического аппарата, — разлетелась быстро. Он уважал свой труд и был полностью погружен в дело, которое любил.

У входа в контору его встретила незнакомая девушка лет двадцати пяти с медью рыжих волос. Рядом стоял владелец конторы и давний приятель Жак, доедавший эклер. Из-за любви к выпечке Жак выглядел полноватым, но старался это скрывать и всегда говорил эмоционально жестикулировал. Тот начал разговор с неожиданного вопроса.

— Ты чего такой бледный, Льюис? Выглядишь так, будто всю ночь напролет кутил в «Мулен Руж».

Уставший и отстраненный Льюис хотел ответить сдержанно и коротко поставив себе цель максимально быстро закончить не нужный ему диалог, но, получилось иначе.

— А ты на себя взгляни! — Жак замер с половинкой эклера в руке, его круглые глаза выражали притворное, но искреннее беспокойство. — Может ты сам «Мулен Руж» до петухов отплясывал канкан? Признавайся!

— Смотри у меня, новых жалоб не потерплю. — Голос Жака был густым, немного хриловатым от утреннего кофе и выпечки.

— Устал объяснять... Это был не я, и в актеров едой не кидался. Вчера была бессонная ночь, Жак. Просто бессонная ночь. — Его фраза прозвучала тихо, ровно, как отчет, и на этом он попытался поставить точку.

— Ага, бессонная! — фыркнул Жак, проглатывая сладкое тесто. — В прошлый раз после такой «бессонной ночи» мы месяц оттирали от стен банку моего же варенья, которое ты или твой друг-футурист решили, разбить о стену проявив эмоции на плоскости.

— Это точно был не я, вспоминая этот момент, отозвался Льюис из своего кабинета, уже копаясь в ящике стола. — И в актеров едой не кидался. Это... недоразумение.

— Недоразумение! — Жак ожидаемо пристал к Льюису и воздел руки, из которых посыпались крошки от эклера на жилет вынужденного собеседника. — Пабло так закидал колбасой оркестр, что контрабасист до сих пор слюной брызжет. А ты, как благородный сеньор, его не вразумил. Как можно, спрашивается, до такого додуматься?

Льюис вздохнул, наконец подняв на коллегу усталый взгляд.

— Жак, ему сорок пять. В такие годы личность, как говорят, сформирована. Это все равно что пытаться остановить паровоз, несущийся под откос, что бесполезно и крайне опасно.

— Тогда что ты в этой компании лысеющих модернистов нашел? Они тебе даже не ровесники.

В голосе Льюиса впервые пробились едва уловимая, сломанная нота.

— С ними дружил мой отец. Это... семейная традиция разгребать последствия их вдохновения.

Жак на мгновение смолк, оценивая, что тема зашла на тонкий лед и тут же его цепкий взгляд оживился новой мыслью.

— Хорошо, отец, традиция... А девушку видел? Ту, что у входа?

— Видел.

— Ну и? — Жак придвинулся, понизив голос до игривого шепота, полного мужского восхищения. — Огненно-рыжая, а фигурка... сам понимаешь, и глаза умные, не пустые, как у тех прежних кисейных барышень. Сразу видно, что редкая птица, а?

— Обещаю, — монотонно, словно зачитывая обязательство, произнес Льюис, — Жорж и Пабло больше не переступят порог мастерской. Ни под каким предлогом.

— Вот и славно. Рыжей строго-настрога наказано, что этих двух прощелыг с проплешинами и вечной краской под ногтями не пускать. Даже если они свою мазню обещают.

— Они же помогали с вывеской, — слабо напомнил Льюис, больше из чувства долга, чем из надежды что-то изменить.

— Помню-помню. — Жак махнул рукой, словно отгонял назойливую муху.

Льюис закрыл глаза, потирая переносицу.

— И вы им не заплатили, намекая на подленную причину такого поведения его друзей.

— Давай к делу. Скажи лучше, по-твоему, на что в первую очередь должен обратить внимание клиент, заходя к нам?

— Мы больше не будем распивать здесь вино.

Жак выпрямился, его лицо приняло торжественно-деловое выражение.

— На трезвость персонала! — провозгласил он. — Чтобы ни намек, ни душка. Клиент должен видеть приветливое, ясное лицо, которое кричит без слов: «Сударь, ваша техника в надежных, абсолютно трезвых руках!»

Льюис, словно за игральным столом оценил свои слабые карты, лишь кивнул, спасовав развернулся и направился вглубь мастерской, оставив Жака дожидать его победу вместе с последними крошками эклера.

Тяжело вздохнув, Льюис отряхнул пиджак и бросил на спинку стула. Весь рабочий стол был загроможден грудой механизмов, деталей и странных приборов. Он провел ладонью по столешнице, сметая мелкую стружку. Здесь, среди этого материального хаоса шестеренок,

проводов и чертежей, он чувствовал контроль. Каждая сломанная вещь была загадкой с четким решением. Взяв в руки неисправный хронометр, он автоматически начал его разбирать. Пальцы, дрожавшие утром, теперь двигались уверенно и точно. В этом мире металла и логики он на время мог забыть о страхе, что ждал его за дверью. Его золотые руки знали свое дело, но сможет ли он починить прежнее восприятие жизни. Улетая в процесс, мастер чувствовал, что большая редкость, когда дело по-настоящему греет душу. Льюису посчастливилось найти свое призвание рано. Им стала починка хитроумной техники, которая поступала к нему после неумелого обращения, будь то карманные часы, граммофон или прототип какого-нибудь авангардного устройства.

Глава 4. Четвертая свеча

Лион Мартези был мужчиной средних лет и среднего роста, чьи строгие черты лица, казалось, были созданы для того, чтобы внушать безоговорочное доверие. Кривой нос, всего лишь память о давних уличных стычках отнюдь не портил его, а придавал облику оттенок брутальности, что только привлекало определенный тип женщин. Они же восхищались его ослепительной, белозубой улыбкой. Помимо приятной внешности, он был человеком известным в своих кругах, успешным чиновником префектуры, тайным покорителем и покровителем женских сердец. Возникал закономерный вопрос: зачем такому человеку убивать? Ответ был прост: ему доставляло удовольствие само ощущение власти, той самой, тихой, абсолютной, над жизнью другого. Это была его сокровенная игра, и он наслаждался ею каждой клеточкой своего существа. А высокое положение и безупречные семейные связи лишь гарантировали, что любые следы этой игры будут тщательно скрыты.

Отца Лиона звали Винченцо. Боевой офицер, сменивший после отставки эполеты на политическое влияние. Он искренне служил двум кумирам — Франции и своей семье. Без памяти любил свою очаровательную жену Эмили, подарившую ему трех сыновей. Эмили поражала окружающих не столько привлекательностью — красотой в Париже 1900-х никого не удивишь, сколько редким сочетанием изящества и душевной простоты. Правда, находились и те, кто видел в ней лишь «пышную дуру из провинции».

Дети росли в достатке и строгости. Старший, Стефан, выделялся острым умом и железной выдержкой, что и позволило ему блестяще окончить Кембридж. Он искренне опекал младшего, Лиона, заменяя ему вечно занятых родителей. Даниэль, средний, презирал умственный труд, считая главной добродетелью мужчины физическую силу. Он был задирой и искателем приключений, вечно бросавшим вызов сверстникам.

Лион же, младший, впитал в себя словно губка: хитрость Стефана и физическую уверенность Даниэля. Он учился у братьев, отфильтровывая слабости и культивируя силу. Но в его душу с ранних лет прокралась ничем не мотивированная злоба ко всем, кто казался ему тупым, вялым, недостойным. Он начал верить, что мир полон фальшивых и слабых людей. Его братья были настоящими, как Отец и Мать. А эти подобию людей лишь загромождали собой свет, который по праву принадлежал сильным. Избавляться от них было не преступлением, а всего лишь гигиеной. Эта злоба росла, но в зачатках питалась тихим, детским убеждением, что родительская любовь и похвала чужая награда, которую всегда забирают себе старшие и лучшие братья.

На следующий день после событий на Монмартре он вышел с маленького кладбища Кальвер, где покоился прах его отца и обоих братьев. Все трое пали в 1916-м. Стефан и Даниэль сгинули в верденской мясорубке. Винченцо, как писала мать, получив известие о гибели сыновей перед самой битвой на Сомме, поклялся отомстить и там же сложил свою горячую голову. Кладбище примыкало к древней церкви Сен-Пьер-де-Монмартр. Лион прокрался в полумрак храма, достал из ящика четыре восковых свечи. Три он поставил в поминальный подсвечник за героев великой войны. Четвертую, прохладную и тяжелую, сунул в карман пальто для будущей жертвы. Маскируясь под прихожанина, он притворно перекрестился с беглой автоматичностью, и чувствуя дискомфорт вскоре вышел на улицу.

Теперь его путь лежал к дому того, кто сумел ускользнуть. Досье, к которому чиновник префектуры имел доступ, было уже изучено и мысленно разложено по полочкам. Добравшись до нужного адреса, он на мгновение замер, оценивая улицу: торговка цветами, мальчишка с газетами и никого лишнего. Дверь поддавалась неожиданно легко, и связка отмычек в его ловких пальцах щелкнула, будто отпирая собственный сейф. Войдя в прихожую и прислушавшись к

густой, пыльной тишине, Лион убедился, что дома никого и в голове уже вертелись отточенные фразы для предстоящей встречи.

«Прошу прощения за вторжение, мсье Элисон. У нас осталось неоконченное дело с прошлого вечера», — мысленно репетировал он, представляя, как произнесет это тихо, не спеша, с вежливой, леденящей улыбкой.

Но, убедившись в отсутствии хозяина, Лион начал неспешный осмотр, как следователь, как будущий владелец этих стен. На втором этаже была та самая комната. Дверь, слегка приотворенную, он распахнул плечом.

Внутри его взгляд, скользнув по стенам, мгновенно выхватил две детали: коллекцию старинного оружия и несколько рисунков в рамках с размашистой подписью «Picasso». Уголок губ Лиона нервно дрогнул. Он проворно снял со стены изящную рапиру, ощутив приятную тяжесть эфеса в ладони, и извлек клинок. Сталь звякнула, холодно сверкнув в полосе света из окна. Лион провел пальцем по лезвию, оставив на нем легкий отпечаток. Значит мсье Льюис любитель старины и перфекционист. Чувствует форму, но боится настоящей остроты, ведь клинок заточен слабо, больше для вида. Лион сделал несколько медленных, отточенных выпадов в сторону книжного шкафа, ощущая, как воздух со свистом рассекается клинком. Плохая балансировка для боя, но для хвастовства сойдет. Затем он поднес эфес к носу, вдохнул запах старого масла и металла, отдушка забытых войн. Ты коллекционируешь эхо войны, мсье Элисон. А это что? Он потянулся к чертежу на столе, какому-то сложному механизму. Ах, инженерная душа. Верит, что мир можно починить, как сломанный граммофон. Какая трогательная... никчемная наивность. Мысль вызвала у него беззвучный, внутренний смех, а на губах застыла улыбка, в которой читалось намерение оказать миру «милость», избавив его от подобных слабаков.

— Ну что ж, мсье Элисон, устраиваете себе музей? — тихо проговорил он в пустоту комнаты. — Оружие для прошлого, картины для будущего. А настоящее... настоящее мы обсудим, когда вы явитесь.

Затем его внимание привлекли фотографии на столе. В серебряной рамке предстал молодой человек лет двадцати шести с небритым подбородком и светлыми, слишком светлыми для парижанина глазами. «Убежавший трус оказался голубоглазым блондином, — констатировал про себя Лион. — Прямо викинг какой-то». Ростом, пожалуй, выше его самого. На лице следы усталости, улыбка на снимке вышла натянутой, вымученной. На другой фотографии двое мужчин обнимались, подвыпившие и радостные. Один из них... Лион прищурился. Очень знакомое лицо. На обороте рамки гравировка: «Полу Сайзи. На веки вечные». И следующее фото, семейное, где тот же светловолосый мужчина был гораздо моложе... Лион на мгновение сжал виски пальцами. Вспомнил все.

Устав от неподвижного стояния, он опустился на край кровати. И тут из-под простыни, подчиняясь его движению, выскользнул и упал на пол сложенный листок. Лион мгновенно вскочил, поднял его и развернул. Кровь отхлынула от лица. На бумаге карандашом был нарисован он. Углы были резкими, а тени глубокими. Художник поймал все узнаваемые черты и на секунду Лион ощутил ледяной укол, ведь он близок к раскрытию. Его рассмотрели и запечатали и от понимания этого укол сменился на гнев. Он разгладил лист о край стола и подойдя к радиоприемнику, щелкнул тумблером. Лампы замигали оранжевым светом, в динамике затрещал и зашипел шум эфира. Лион настроил приемник на волну с помехами, поверх которых пробивался бравурный военный марш. Затем он устроился в кресле хозяина и закрыв глаза, начал отбивать такт пальцами по холодному металлу эфеса. Он представлял как откроется дверь и свет проникнет в комнату, и на этом бледном, «викингском» лице проступит сначала недоумение, потом догадка, и наконец чистый, животный страх. Лион действительно репетировал и детально прокручивал в голове возможные реплики, реакции, варианты развития их маленькой пьесы. Дыхание Лиона выровнялось, а на губы вернулась привычная, холодная усмешка. Ожидание было самой сладкой частью. Предвкушение того момента, когда на лице жертвы наконец появится понимание ради чего он ждал его. Не просто чтобы лишить его никчемной жизни, но, чтобы сыграть финальный акт, который не обещает быть быстрым. В кармане его пиджака, рядом с украденным портретом, лежала та самая, четвертая свеча с кладбища. Он потрогал ее через ткань, ощутив податливый воск. Скоро она найдет своего адресата, оставалось только высматривать и слушать, как за окном медленно сгущаются парижские сумерки, сливаясь с шипением радиOSHума в единую, неторопливую симфонию ожидания.

Глава 5. Истязание

Изобретатель возвращался домой после трудного дня по узкой улочке Норвен. Льюис почувствовал, как под ложечкой засосало от голода, и решил заскочить перекусить. Он свернул в «Матушку Катрин» за кофе и свежими круассанами, мысленно надеясь не встретить там Жака. Само заведение было уютным, по-домашнему потрепанным, к которому вела выщербленная каменная лестница, по вечерам зажигались старомодные керосиновые фонари, а с балконов близлежащих домов свешивались вниз глиняные горшки с геранью. Вечерняя улица становилась пристанищем для бродячих музыкантов и ценителей неспешных прогулок. Художники, не ухивившие с наступлением сумерек, то и дело пытались остановить прохожих, предлагая запечатлеть их на фоне романтического Монмартра.

Крикнув «Быстрее, быстрее, пожалуйста!», Льюис молниеносно схватил сверток и зашагал к дому, на ходу обдумывая, как радиоволны определенной частоты могут влиять на нейронную активность. Он так углубился в расчеты, что грубо задел плечом какого-то мужчину в длинном, безвкусном пальто, больше похожем на мантию. Тот в ответ на скомканные извинения лишь криво улыбнулся, показав шрам, рассекавший щеку от скулы до подбородка, и процедил, что на свете бывают куда более страшные вещи. Льюису стало неловко, но к счастью, дальше предстоял путь домой в разительном контрасте со вчерашним днем и прошел без приключений.

Льюис открыл дверь, поднялся по скрипучей лестнице. Услышав из-за двери своей комнаты приглушенный шум, раздосадовался, что забыл утром выключить радиоприемник. Он вошел, взглянул на мигающие лампы аппарата, положил сверток с едой на стол и в тот же миг почувствовал сзади стремительный сквозняк и острую, оглушительную боль в затылке. Мир погас. В сознание он возвращался рывками, ощущая, как его волокут по шершавому полу, а затем грубо связывают.

— Открой глазки! — раздался над самым ухом резкий голос, и следом по щеке Льюиса с сухим хлопком обрушилась тяжелая ладонь. Боль от пощечины отдалась глухим звоном в черепной коробке.

— Не ты ли вчера подсматривал за мной на улице Сен-Рюстик? — продолжал тот же голос, ровный и методичный.

Сердце Льюиса сжалось, словно его опутали колючей проволокой. С трудом фокусируя взгляд, он увидел в руках незнакомца рапиру и... тот самый сложенный листок с портретом. В ушах стучало биение сердца, а дыхание перехватило и слова застряли в горле. Новая оплеуха, звонкая и точная, вернула его в жуткую реальность.

— Хватит витать в облаках! — прорычал мужчина, и в его голосе впервые прозвучала голая, неконтролируемая агрессия. — Любуйся! Настоящее произведение искусства. Скоро вы с ней станете одним целым. Почувствуешь, каково это стать частью прекрасного.

Льюис поднял взгляд и встретился с его глазами. Они сверкали холодным, бездушным блеском, в котором читалась лишь жажда. Животный страх, острый и тошнотворный, пронзил его насквозь, а затем медленно, как яд змеи, разлился по всему телу, вызывая мелкую дрожь в пальцах.

— Не рассчитывай на быстрый финал, — сообщил Лион, беря со стола сигару и обрезаая ее кончик с театральной неспешностью. — Мы с тобой только начинаем знакомство. Этот клинок станет единственным произведением, которое ты сможешь... оценить в деталях и со всем вниманием.

Льюис понимал, что полностью во власти этого человека. Разум лихорадочно выискивал выход, проецируя десятки безумных планов. Он дернулся, пытаясь вывернуть руки, но тело напряглось в бесполезном усилии, словно рыба, выброшенная на берег. Его тщетная борьба

вызвала у Лиона короткий смешок и самодовольный выдох знатока, наблюдающего за ожидаемой реакцией. Хладнокровный со всеми предыдущими жертвами, с этой он решил поиграть.

— До сих пор вижу того парня, которого ты застрелил, — наконец выдавил из себя Льюис, и собственный голос показался ему чужим, сиплым. — Разве их лица тебя не преследуют?

— Тот жалкий мальчишка? Не волнуйся так, он далеко не первый. Несчастных много, но чувствую, что ты будешь моим особенным экземпляром. Ты похож на чистый холст, а я... я буду художником. Только краски будут немного нестандартными.

— Клянусь, никому о тебе не расскажу! — голос Льюиса сорвался на визгливую ноту.

— Наглая ложь, ты ведь уже нарисовал меня, — тихо, почти ласково констатируя факт, произнес Лион, размахивая портретом перед самым его лицом. — Сходство, признаю, поразительное. Ты уловил самую суть, но забыл одну деталь. — Он поднес рисунок к самому лицу Льюиса. — Вот здесь, в уголке губ изображена усмешка. Но она далека от оригинала. Давай покажу настоящую. — И он, глядя Льюису прямо в глаза, медленно, растянул губы в той самой, леденяще-радостной ухмылке, которая была на рисунке. — Видишь разницу? Теперь ты ее никогда не забудешь.

— Умоляю, буду молчать! — взвыл пленник.

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, можно подглядывать и остаться незамеченным? В этом городе чихнуть не успеешь, как я уже узнаю, кто кому нос утирает.

— Мы можем договориться, только скажи, что тебе нужно? Деньги?

— Глупый, разве ты еще не понял, кто мне нужен. Но ты мне нравишься и потому дам тебе шанс. Условие простое: не кричи. Я буду называть имена, а ты молча и внимательно слушай. Может, что-то поймешь, когда прочувствуешь, что они испытывали в последние мгновения...

Пока Лион говорил, Льюис, стиснув зубы, продолжал незаметно работать запястьями. Пеньковая веревка врезалась в кожу, но в какой-то момент он почувствовал, что одна из петель поддалась на полсантиметра.

— Джек Сурземи, — начал Лион с торжественной интонацией декламатора. — Владелец булыжника вместо мозгов. Этот соплик был первым, чью жизнь мне захотелось отнять. — Он размахнулся и со всей силы врезал тяжелым эфесом рапиры Льюису в переносицу. Хруст, вспышка боли отдавалась в коренных зубах тупой вибрацией. Затем звон в голове сменила

густая, теплая волна, залившая носо-глотку знакомо-медным привкусом крови. Перелом, — успела мелькнуть отстраненная, инженерная мысль, прежде чем новая волна боли накрыла с головой. — Второй — Джон Сурземи. Как понял, брат первого. Дети жестоки, они смеялись и показывали пальцем. Мне пришлось взять камень и... разmozжить им эти пустые головы! — Каждое слово теперь сопровождалось ударом: в челюсть, в висок, в ребра. Льюиса мотало, как боксерскую грушу.

В глазах потемнело, дышать стало нечем. Сдерживаться было невозможно, и из груди вырвался сдавленный, хриплый стон, из-за которого Лион поспешно закрыл окна и задернул шторы.

— Вернер Гент и Вильгельм Кельн, — продолжал Лион, отдышавшись. — Отличные картежники. Полагали, что француз итальянского происхождения не знает немецкого. Пока строили планы, как оберут меня как липку, я решил... подыграть. Думаю, они были разочарованы, когда вместо выигрыша поймали пулю. — Он с изящной жестокостью улыбнулся и достал из-за пояса револьвер, на ствол которого был насажен картофель.

В этот момент Льюис отчаянно дернул ногой вверх, пытаясь выбить оружие. Лион, быстрый как змея, схватил его за волосы, откинул голову назад и... выстрелил в упор. Глухой хлопок, куски разлетевшегося овоща и запах пороха окутал комнату, а обжигающий жар впился в шею. Пуля содрала кожу чуть выше ключицы, ошпарив горячим ветром. Льюис закричал коротко, по-звериному.

— Герберт Кан. Ты видел его, когда удирал. Приманка. Случайный прохожий. Представь, он почти от меня ушел. Я прыгнул, как дикий кот, и пронзил его с такой силой, что хребет... затрещал. — Лион с наслаждением выдохнул, отряхнул ствол и отложил дымящийся пистолет, затем взял со стола длинный, узкий нож.

Это было уже не орудие, а продолжение его воли. Лезвие стало резцом, а спина Льюиса — гравюрой, которую предстояло создать. Мартези принялся за работу с сосредоточенностью мастера, нарушая целостность кожного покрова ровными, глубокими надрезами. Боль была острой и невыносимой. Сдерживаться больше не было сил. Из горла Льюиса вырвался протяжный, срывающийся вопль, который тут же прервался кляпом.

— Крепкий, — с одобрением отметил Лион, отложив окровавленный нож. — Теперь — сладкая парочка. Пол и Белинда Сайзи... Это было в моей молодости. Я ухаживал за ней, но она выбрала другого, к сожалению для них обоих. Именно тогда, в ту минуту, я перестал быть собой. Если те дети случайность молодости, то это мой выбор ставшая истинной страстью.

— Годами размышлял, какая тварь на это способна, — выплюнув кляп, прошипел Льюис сквозь сжатые зубы, и в его голосе вдруг прорвалась не только боль, но и яростное презрение. — Теперь вижу.

— Ты ничего не понимаешь в искусстве, — холодно отрезал Лион. — Так что закрой рот. — Он поднес лезвие к самому глазу Льюиса и медленно, с нажимом, провел им по дуге брови.

Пленник даже не вздрогнул, после всего это была лишь жалкая царапина. Сквозь шум крови в ушах и тяжелое, свистящее дыхание Лиона, он услышал смутно, потом отчетливее звук, которого он подсознательно ждал и на который безнадежно надеялся. Стук входной двери, сначала казался скромным, но потом стал настойчивым и требовательно повторяющимся.

Глава 6. Искры спасения

Услышав стук, Лион дернулся и замер, как хищник, уловивший шорох. Швырнув окровавленный нож на кровать, он схватил пистолет и бесшумно скользнул вниз, к входной двери. Стук был раздражающе требовательным. Он, осторожно отодвинув край шторы, Мартези увидел возмутителя спокойствия: почтальон, перекинув через плечо холщовую сумку, бросал на влажную лужайку пачку писем и газет.

Парень ловко вскочил на велосипед и помчался дальше, в глубь переулка.

У Лиона отлегло от сердца, и он неторопливо поднялся обратно в комнату, но... она была пуста. Жертвы на кровати не было. Холодный укол паники пронзил его, и он рефлекторно выбросил вперед руку с револьвером. В тот же миг по его запястью со свистом опустилась тяжелая рукоять рапиры. Лион, выронив оружие, не растерялся и поймал взмахнувшую руку, с силой выкрутил кисть, выбил шпагу и отшвырнул ее в угол. Но измученный ученый оказался не промах, его свободная рука нащупала на столе фарфоровую кружку с остывшим кофе и выплеснула темную жидкость прямо в лицо противнику. Пока тот, шипя от ярости, пытался протереть залитые глаза, Элисон рванулся к стене, сорвал со второго крепления другую шпагу и успел встать в неуверенную, но грозную стойку.

— Сомневаюсь, что ты обучался фехтованию, — проговорил Льюис, пытаясь скрыть дрожь в коленях и выровнять прерывистое дыхание.

Лиона это рассмешило — коротким, сухим, как удар кнута, смехом. Он сделал стремительный выпад, и почувствовал, как холодное лезвие скользнуло по его предплечью, оставив тонкую, горящую линию. Ущерб был незначительным, но само происходящее, сопротивление жертвы, предстоящий азарт схватки ввергало его в экстаз. Он предвкушал расправу.

— Поверь, когда набегаяешься, то происходившее ранее покажется тебе райским сном, — съязвил он и быстрым шагом двинулся к двери, перекрывая пленнику путь к бегству.

Началась странная, нервная дуэль: Элисон с прямой, сияющей клинком рапирой и Мартези с уже погнутой — кружили друг вокруг друга, пробуя короткие выпады, соблюдая дистанцию, боясь ошибиться. Рапира в руке Льюиса становилась невероятно тяжелой. Рука дрожала от напряжения и потери крови. Лион двигался хвастливо и легко, пружинисто, делая короткие, обманные выпады. Льюис отступал, чувствуя, как пол под ногами становится скользким от пролитого кофе и его собственной крови. Каждый парированный удар отдавался огненной болью в растянутых связках запястья. Он не фехтовал, скорее отбивался, как человек, отмахивающийся от роя ос, уже зная, что каждое движение приближает новый укус боли. Лион заложил левую руку за спину, к пояснице, проверяя рукоять кинжала. План созрел мгновенно. Притормозив, он с отвращением лизнул кровь, стекавшую с собственного лезвия на руку, а затем левой, свободной рукой дернул и сорвал со штанг тяжелую темно-синюю портьеру.

Комнату затопило ослепительным полуденным светом. Льюис на миг ослеп, зажмурился и этого мига хватило. Лион ринулся вперед, его шпага описала короткую, смертельную дугу и вонзилась в бок противника. Льюис ахнул, захрипел, попытался устоять, хватаясь пустой рукой за край стола, но силы оставили его. Он осел набок, всем телом рухнув на радиоприемник. Лион тут же наступил ногой ему на грудь, придавив к хлипкому корпусу его же «детища».

В эти последние секунды Льюис думал не о боли, ведь та ушла куда-то далеко, а о том, что за двадцать шесть лет жизни, по сути, так ничего и не успел. всплыли обрывки: детские игры с родителями, их теплые руки и наставления «быть человеком»; школьный двор, где он, шуплый мальчишка, заслонял собой дворян от жестокости старшеклассников; похороны друзей, павших в окопах, и голос священника, бубнящего что-то о «лучшем мире» ... Вспомнились и странные разговоры с людьми, побывавшими на волосок от смерти. Большинство твердило о пустоте и темноте, но один, некий Уилл Карнер, клялся, что его утопили с привязанной к

ногам цепью за картежный долг. Рассказывал, что, когда цепь случайным образом отцепилась, и он почти всплыл, к его предплечью в ледяной воде прикоснулось «нечто», оставив шрамы «самой смерти». Ему не верили. А через месяц того парня нашли убитым в его же номере дешевой гостиницы. Мысли расплзались, как чернила в воде. Ощущения запаха церкви и воска вернулись и он снова наблюдает отпевание матери; шершавая кора деревьев улицы, за которым он прятался от школьных хулиганов; холодный металл первого собранного им паяльника, обжегший пальцы; теплое дыхание собаки, которую он спас... И сквозь все это лицо того парня, Уилла Карнера, в дешевом кабаке, показывающего странные, синеватые шрамы на руке и шепчущего: «Смерть близко».

От этого воспоминания по спине Льюиса пробежал ледяной пот. В полубреду ему помешлось искаженное лицо со шрамом, мелькнувшее днем на улице... А затем его вернула в реальность новая волна боли: ухмыляющийся Лион методично наносил удары плашмя, глумясь. И тут взгляд Льюиса, блуждающий по комнате в поисках спасения, наткнулся на кресло в углу.

Там сидело Нечто.

Бледное, как смерть лицо, даже волосы и брови были цвета снега. Оно было здесь, в его комнате. И оно не исчезало. Существо медленно повернуло к нему голову, и Льюис понял, что это не галлюцинация. К горлу подступила тошнота, смешанная с кровью, а существо с интересом смотрело на него. Казалось, даже посмеивалось. Потом поднялось с кресла и когда оно приблизилось, из-под складок длинной, похожей на мантию одежды показались пальцы — нечеловечески бледные, длинные и узловатые. Владелец мантии откинул край черной ткани, и Льюис увидел руки — изуродованные, покрытые струпами и старыми шрамами. Он попытался крикнуть, издать хоть какой-то звук, но Существо медленно поднесло указательный палец к своим бескровным губам. Палец, который оно подняло, был с ногтем странного, синевато-серого оттенка, будто у давно утонувшего. Движение было плавным, неестественно медленным, словно время вокруг него текло иначе. И тишина, последовавшая за этим жестом, была отсутствием звука в которой затихло даже свистящее дыхание Льюиса. Существо не просто призывало к молчанию, оно его навязывало.

Затем оно указало этой же страшной рукой... на радиоприемник под ним. После чего, неспешно, вернулось в кресло и устроилось поудобнее, словно зритель в театре, ожидающий кульминации акта.

И в этот миг сквозь боль и затуманенность разума Льюис почувствовал удар тока, который ни с чем не спутать. Он решил, что это агония, конец и его взгляд, скользнув по Лиону, застыл: лицо чиновника исказилось не болью, а чистым, немим непониманием и страхом. Что-то происходило, радиоприемник под его спиной начал трещать, невыносимо визжать, шипеть и... искрить. Искры, ослепительно-белые и синие, вырывались из-под панелей, не обжигая, а лишь пощипывая кожу. Они били в него, впитываясь в тело, или проходили сквозь, фокусируясь в корпусе аппарата. В воздухе запахло озоном, пылью и чем-то металлическим. Свет в комнате померк, затмившись этим безумным, пульсирующим световым шквалом.

Приемник начал гудеть, низко и нарастающее, словно заряжаясь. Воздух в комнате стал густым, как сироп. Дышать было трудно, а искры не только сверкали, но и невыносимо громко звучали, каждая с высоким, чистым, как надтреснутое стекло, звоном. Вонь озона сменилась запахом старой, мокрой земли и грозы. Льюису, прижатому к корпусу, казалось, что он чувствует вибрацию приемника изнутри позвоночника, как будто аппарат гудел его костями. И в центре комнаты, в метре от пола, внутри этой дрожи начала проступать... другая местность. Смутные очертания незнакомых стен. Льюис поймал взгляд Лиона, полный животного ужаса и понял, что это не бред и происходящее видят оба.

Потом в ушах лопнула тишина, сменившись пронзительным, сводящим с ума звоном. И Лион, будто подчиняясь невидимой команде, с ревом отчаяния и ярости, собрав все силы, толкнул Льюиса прямо в это колышущееся марево, в разрыв реальности.

Стены комнаты поплыли, стали прозрачными, начали таять. Цепляясь за жизнь, Льюис в последнем судорожном движении вцепился в Лиона, сначала в воротник, потом в растрепанные, влажные от пота волосы и не отпускал. Его взгляд, перед тем как мир перевернулся, снова метнулся к креслу.

Существо сидело там, неподвижное. И смотрело, казалось, кивнуло.

«Неужели я обманул саму смерть?» — успела промелькнуть последняя связная мысль.

И двое мужчин, сплетенные в смертельной схватке, рухнули сквозь пол. Падение длилось вечно и мгновение. Не было ни верха, ни низа. Было только нарастающее давление в ушах, вытесняющий мысли белый шум и цепкая, как щупальца, ответная хватка Лиона в его волосах. Последним, что видел его разум, прежде чем поглотила пустота, было отражение в потускневшем стекле радиоаппарата, его собственное, искаженное болью лицо и за спиной размытый силуэт бледного лица смерти, которое сняло с себя капюшон, обнажив волосы белее снега. А потом и стекло, и комната, и весь мир рассыпались на миллионы искр, унося их прочь от всего, что они знали в нарастающий гул, в вихрь света и тьмы, в абсолютную неизвестность.

Глава 7. Конечная станция

Для почтальона Адама Сайзи этот день был таким же, как сотни других. Не сумев окончить медицинский колледж, он остановился на доступной работе почтальона. Жизнь Адама могла сложиться иначе, если бы не трагедия, случившаяся с его родителями много лет назад.

Они возвращались на поезде из Марселя в Париж от родственников. Купе пахло дорогим табаком, кожей диванов и едва уловимым ароматом женских духов. За окном, отбивая монотонный такт, мелькали огни предместий. Уютная, изолированная капсула, покотившаяся к Парижу. Уже на предпоследней станции в их купе бизнес-класса вошел незнакомец, дверь закрылась за ним с мягким щелчком.

— Извините, что тревожу, но свободных мест больше нет. Вы, позвольте к вам подсесть? — спросил мужчина, даже не представившись.

— Мы заплатили приличные деньги, чтобы ехать отдельно, — прозвучал сухой, отстраненный ответ.

— Готов возместить всю стоимость ваших билетов, — парировал незнакомец и протянул пачку хрустящих франков. Деньги смягчили настрой путешественников.

— Меня зовут Пол Сайзи, а это моя жена Белинда, — представился отец Адама, неохотно засовывая купюры в жилетный карман. — А вы зачем в Париж?

— Родился там. Мои предки когда-то переехали, ходили по тем же улочкам, влюблялись под той же луной. Не люблю стереотипы, но это действительно город любви. Самые яркие чувства испытаны мною именно там. Наверное, и вы встретили свою любовь в Париже?.. Как, говорите, зовут вашу супругу?

— Белинда.

— Белинда? — Незнакомец прищурился, сделав вид, что вспоминает. — Удивительное совпадение. Мою первую любовь тоже звали Белинда. Мы были неразлучны. Ох, сколько серенад спето под ее окном, сколько сил потрачено на завоевание ее окаменелого сердца...

Он замолчал на несколько секунд, давая словам повиснуть в воздухе.

— А потом она ушла, просто отвернулась, узнав кое-что о моем детстве. Вы не представляете, какие это муки. Долго не находил себе места и представьте, что мое счастье, свет моей жизни... выбрала какого-то простака из провинции.

Пол снисходительно усмехнулся. Белинду же бросило в дрожь. Сомнения растаяли — манеры, черты лица, намеки на детство... Он говорил о ней.

— Пол, этот человек опасен, — схватив мужа за рукав, прошептала она.

Восприняв предупреждение всерьез, Пол, человек не робкого десятка, решил действовать.

— Знаете, должен отказать вам в просьбе. Деньги, пожалуйста, вернитесь в общий вагон, — он сделал жест в сторону двери, стараясь говорить твердо.

— Деньги уплачены, — невозмутимо, с легкой улыбкой ответил раскрытый инкогнито, которого звали Лион.

— Можете забрать их обратно! — Пол начал нервничать, его взгляд прилип к каждому движению мужчины. — Мы ждем знакомых, они подойдут с минуты на минуту. — Он бросил взгляд на карманные часы.

Мартези даже не дрогнул.

— Я доверил ей все тайны и каждая частичка моей души принадлежала ей. А она... предала.

— Возьмите деньги и найдите других собеседников! — уже крикнул Пол и швырнул пачку купюр ему прямо в лицо.

— Белинда, — голос Лиона стал тихим, вкрадчивым. — Даю слово, никого не трону, если пойдешь со мной. — Он медленно стряхнул с плеча прилипшую банкноту.

— Убирайтесь вон! — Пол встал, заслоня собой жену.

— У нас есть сын, Лион. Умоляю, уходи! — выкрикнула Белинда из-за спины мужа, собрав всю свою смелость в кулак.

— Как-то душно стало, — спокойно произнес Лион, снял котелок, окончательно раскрыв себя, и потянулся к окну, будто чтобы открыть его.

В этот миг Пол рванул жену за руку к двери. Ему почти удалось вытолкнуть ее в коридор, но Лион успел схватить Белинду за складки платья. Раздался испуганный вскрик. Пол развернулся и с ревом обрушился на незваного гостя, нанося удар такой силы, что в тишине купе отчетливо хрустнула кость. Лион, взыв от боли и ярости, выхватил из-под полы нож. Пол Сайзи был крепким мужчиной, но это не спасло его от стремительного удара в грудь. Лион не ожидал, что так все сложится. Лезвие вошло в ткань пиджака, в плоть и глубже, наткнувшись на что-то твердое и податливое одновременно. Все произошло слишком быстро и не было триумфа, о котором он мечтал. Была лишь внезапная тишина, нарушаемая лишь булькающим, захлебывающимся звуком из раны Пола и собственным тяжелым дыханием. В глазах умирающего мужчины он видел недоумение. Пронзенный рухнул на столик у окна, опрокинув стаканы. Корчась от резкой, разрывающей все внутри боли, Пол успел подумать о сыне, которого больше никогда не обнимет. Сознание поплыло и последним, что он увидел перед тем, как мир поглотила тьма, было испуганное лицо Белинды. Женщина попыталась закричать, но Лион грубо зажал ей рот ладонью.

— Любимая, — прошептал он, и в его шепоте смешались страсть и безумие. — Все прощу, только будь моей.

— Ты и мизинца его не стоишь! — вырвалось у Белинды сквозь пальцы, давившие ее губы.

— Замолчи! Ты должна понять, что любишь только меня!

— Спаси его! — вырвавшись, она бросилась к мужу, пытаясь ладонями зажать рваную, пульсирующую рану.

Лион потянулся, чтобы схватить ее за руку, и тут же получил пощечину. Удар отчаяния был такой силы, что на скуле остался кровавый след от ее кольца. Что-то шелкнуло в его взгляде

и все внутреннее напряжение, все годы одержимости вырвались наружу единым, чудовищным порывом.

— Ты никому не достанешься! — зарычал он и, вложив в удар всю накопленную ярость, вонзил нож ей в живот.

Белинда беззвучно ахнула, ее глаза расширились от непонимания. Лион отшвырнул тело в сторону и замер, чувствуя, как внутри него что-то ломается окончательно и бесповоротно. Он больше никогда не будет прежним и словно опьяненный, он дернул рычаг экстренного тормоза.

Поезд взревел и колеса взвыли на рельсах, срываясь в юз. Едва не доехав до конечной станции, состав резко остановился. В вагонах послышались крики пассажиров, грохот падающих чемоданов, звон бьющегося стекла. Лион сбросил тело Пола со стола и ловко, стремительно, как пантера, выпрыгнул в распахнутое окно.

Тяжело дыша, истекая кровью, Белинда собрала последние силы и подползла к мужу. Боль уже почти не чувствовалась, ее сменила пустота, растекающаяся из живота по всему телу. Ее взгляд затуманился, но она упрямо тянулась к Полу. Губы нашли его лоб, кожа была еще теплой. «Найду, — мысленно пообещала она, и это была не молитва, а клятва. — Где бы ты ни был, я найду. Силы окончательно оставили ее. Пальцы разжались и последним, что она услышала, был далекий, искаженный крик паровоза и настойчивый, назойливый звон в собственных ушах, затихающий в бездонной тишине. Она рухнула рядом с мужем, и смерть приняла их в свои объятия почти одновременно.

А тем временем на парижском вокзале юный Адам с сияющими глазами ждал родителей, чтобы сообщить радостную новость о поступлении в медицинский колледж. Адам переминался с ноги на ногу, сжимая в кармане заветное письмо о зачислении. Он репетировал в голове, как небрежно, в свойственной ему простоте скажет: «Пап, мам, я, кажется, стал студентом». Он представлял гордость в глазах отца и слезы радости на щеках матери. Он и не подозревал, что уготовила ему судьба. Мальчик стоял на перроне, наблюдая за необычной суматохой вокруг внезапно остановившегося поезда. «Что случилось?» — думал он. Среди мечущихся людей лишь одна фигура в длинном черном пальто двигалась быстро и целеустремленно, удаляясь от места происшествия. Его взгляд скользил по фигуре в черном пальто, растворяющейся в толпе. Какой-то странный тип, — мелькнула безучастная мысль. Он даже не запомнил его и был полон будущего, которое для его родителей уже остановилось. Будущее застыло в луже крови на столике у окна вагона первого класса. Адам даже в страшном сне не мог предположить, что несколько минут назад удаляющийся человек сделал его сиротой.

Глава 8. Чужие штрихи

Льюис заменил Адаму родителей. Для юного почтальона дом ученого на Норвен был единственным местом, где его не считали странным за то, что он предпочитает возиться с техникой и старыми журналами. Льюис не учил его жизни, а просто разрешал делать, паять, ошибаться. Адам ценил эти вечера молчаливой совместной работы больше любых слов. Теперь эта дверь, за которой пахло канифолью и старой бумагой, была для него единственной дверью в мир. Юный почтальон не упускал случая составить компанию ученому и всемерно помогал воплощать его идеи в жизнь. Изо дня в день, закончив развозить газеты, он летел к своему единственному другу, чтобы наблюдать за рождением очередного удивительного механизма.

Но в последние дни, проезжая мимо дома Льюиса, Адам начал замечать неладное: свежие газеты, которым уже не было места в почтовый ящике, оставались нетронутыми. И от самого ученого не было ни слуху ни духу. Всю неделю Адам отмахивался от дурных предчувствий, но в выходной день терпение лопнуло. Вынув с ящика и подобрав с земли ворох нераспечатанных конвертов и изданий, он постучал в дверь. Тишина. Из тревожного любопытства он надавил на латунную ручку и дверь неожиданно поддалась, оказавшись незапертой.

Войдя в прихожую, Адам увидел гармонично расставленную мебель, и первая мысль была успокаивающей: семья с первого этажа, наверное, уехала в отпуск. Но тут его слух уловил едва различимый звук шипения и потрескивания, доносящиеся сверху. «Работает, — с облегчением и легкой обидой, подумал Адам. — Как всегда, ушел с головой в очередной проект». Он поднялся по скрипучей лестнице.

Первое, что бросилось в глаза на площадке второго этажа, — была дверь в комнату Льюиса. Вернее, то, что от нее осталось: косяк был расщеплен, сама дверь стояла приоткрытой, замершая в неестественном, скособоченном положении. Сначала мозг отказывался складывать картинку. Взлом. Грабители. Но вору не оставляют после себя таких следов. Это был не поиск ценностей, а разгром, потому что внутри царил хаос. Массивный письменный стол опрокинут, со стены сорваны чертежи и книги, повсюду валялись бумаги. Каждый опрокинутый стул, и порванный чертеж кричал о криминале. Воздух был тяжелым и сквозь запах пыли и машинного масла Адам уловил сладковато-медный, заставивший сжаться желудок. Он понял, что это запах крови, запомнившийся с детства, с того дня на вокзале, когда его держали на месте преступления, но так и не осмелились объяснить, почему родители не вернулись. Адам медленно обвел взглядом комнату. В кресле контрастно аккуратно лежала сложенная газета, а на полу, в засохшей, темно-бурой луже, тускло поблескивала клинком шпага. Его взгляд зацепился за радиоприемник. Точнее, за его останки: корпус был пробит насквозь, и опрокинут, а из-под панели торчали оборванные провода. Это было то самое радио, созданию которого он сам, затаив дыхание, помогал последние полгода.

«Чья это кровь и где Льюис?» — пронеслось в голове, заглушая нарастающий гул тревоги. Нужно бежать за жандармами, немедленно. Но в этот миг из распахнутого окна рванул порыв холодного ветра. Он взметнул в воздух россыпь бумаг. Один из листов, крупный, словно газетный разворот, шлепнулся Адаму прямо в лицо. Юноша, вздрогнув, пригнулся, смял его и сунул в карман куртки, чтобы утихомирить назойливую бумажку. И тут его взгляд упал на другой лист, плавно опустившийся на паркет перед ним. На нем был карандашный портрет. Адам поднял рисунок и замер, почувствовав, как холодная волна прокатилась по спине. На бумаге с пугающей точностью был изображен человек с хладнокровными глазами и характерным, чуть кривым носом. Карандашные штрихи лица местного чиновника, были нервными, резкими, но сходство было пугающим. Он узнал эту физиономию, которая часто мелькала на периферии его жизни в газетных заметках о благотворительных балах префектуры, в списках попечителей больницы, благотворительных приемах... И было еще что-то, глубже, что он не

мог осмыслить. Голова отозвалась тупой болью, что возможно этот человек связан с исчезновением Льюиса. Все вопросы стучали в висках, не находя ответа.

Разум, отточенный годами одинокой жизни и необходимости выживать, сработал четко. Не нужно ничего трогать и пусть жандармы разбираются, правильно было бы уйти и позвать людей в форме. Но руки действовали наперекор рассудку. Глядя на искалеченный приемник, Адам размышлял кто посмел сломать причину их общих вечеров. Почти не думая рука сама потянулась к холодному металлу, он наклонился и подобрал сломанный радиоприемник, как последнюю, искалеченную частицу своего друга. Груз оказался неожиданно тяжелым. А штрихи на бумаге были ключом, он аккуратно сложил загадочный портрет и сунул его во внутренний карман. Жандармы могли отмахнуться от пропавшего чудака-изобретателя, но казалось, что лицо влиятельного чиновника в доме, исчезнувшего это уже, зацепка, которая может повлиять на дело.

Выскочив на улицу, он жадно вдохнул сырой парижский воздух, но тот не принес облегчения. Казалось, запах машинного масла и крови прилип к одежде, набился в ноздри. Обычные звуки города, гул моторов и крики торговцев доносились как из-за толстого стекла. Почтальон выбежал в страхе и направился к велосипеду, чтобы вновь не оказаться в обществе следователей прижимая к груди тяжелый, нелепый груз, и чувствовал, как вместе с другом теряет последнее убежище. Отныне улицы Монмартра, еще вчера такие привычные, с пропажей Льюиса опустели. Он стремительно переходил на бег как мальчишка-воришка, улизнувший с яблоками из чужого сада. Было непреодолимое желание оказаться как можно дальше от этого места, от этого молчаливого ужаса, впитавшегося в стены.

Глава 9. Сдвиг базилики

Лион Мартези и Льюис Элисон очнулись на сырой, но относительно мягкой земле. Вокруг высились вплотную прижатые друг к другу двухэтажные дома с островерхими крышами и на многих подоконниках красовались горшки с геранью. Здания стояли на холме, с которого открывался вид на город, лежащий внизу, но все же город был иным. Под ногами месиво грязи вместо брусчатки, привычные лестницы и постройки Монмартра исчезли. Пропала и станция фуникулера, что возил людей с холма. Не было ни рельс, ни тросов, будто их и не существовало вовсе. Сомнения рассеялись окончательно, когда на горизонте в утренней дымке проступили узнаваемые шпили собора Парижской Богоматери. Значит, это был Париж, но резко обедневший, опустевший и... лишенный огромной белой базилики Сакре-Кёр, вместо нее на вершине холма зияла пустота, будто ее стерли, как мел с доски и вырвали из челюсти города, как здоровый зуб.

Падение не усугубило ран Льюиса, чего нельзя было сказать о Лионе, приземлившемся на согнутую в локте руку. Мартези, сдавленно кряхтя от боли и ярости, выдернул из тела противника шпагу и, не оглядываясь, бросился бежать, растворившись в лабиринте темных переулков. Льюис не смог проследить за ним, все его существо охватила волна новой, пронзительной боли. Боль была острой и четкой, но глубже, в самой грудной клетке, вернулась гложащая вина. В этом тумане страданий всплыл образ Герберта Кана, того человека, который цеплялся за его ногу, взывая о помощи. Теперь этот невольный грех, едкий, как желудочный сок, подступал к горлу, принуждал понимать, что чувствовал человек, которого он оставил умирать.

Город вокруг казался мертвым. Царили тишина и тьма, лишь несколько одиноких масляных фонарей тускло мигали внизу, у подножия холма, словно последние угольки в остывающей пеплушнице. И в этот миг Льюиса, истекающего кровью в грязи незнакомого переулка, с невиданной силой охватила жажда жизни, яростная, животная, как никогда прежде. Все прежние тревоги, амбиции, неудачи померкли. Он зажимал ладонью сочащуюся рану и чувствовал, как сознание начинает уплывать, а по телу растекается леденящее оцепенение. «Неужели это и есть конец? Умереть под таким небом?» — промелькнула мысль. Нет. Надежда, тлевший до сих пор уголек, вдруг вспыхнула, когда он различил впереди четкий силуэт приближающегося мужчины.

— Кто здесь? — насторожившись, окликнул прохожий, и его голос прозвучал в тишине непривычно громко.

Льюис не разобрал сказанное и все равно попытался крикнуть, но горло было сухим, сжатым, будто набитым пылью.

— Помогите... — прохрипел он едва слышно, силясь ладонью заткнуть рану, из которой жизнь утекала с каждым ударом сердца.

Посторонний звук заставил незнакомца вздрогнуть. Рука его непроизвольно юркнула под плащ и легла на рукоять рапиры. Не услышав угрозы, мужчина медленно двинулся вперед, пока не различил в темноте частое, прерывистое дыхание. Обнаружив источник, он огляделся и подбежал к страдалцу. Не равнодушный поспешил представиться, его звали Шарль д'Альбер. Близкое лицо было освещено тускло лунным светом с улицы. Четкие черты лица, черные, выющиеся до плеч волосы, роскошные усы и крючковатый нос придавали его облику аристократическую строгость. Льюис уловил травяной запах кожи и... конского пота. Плащ, которым мужчина пытался укрыть его, был из грубой, плотной шерсти, неприятно колючей на ощупь. Все это было не привычно и неправильно, слишком все резко пахло, что вызывало дополнительную головную боль. В мире Льюиса все было по-другому, и его спасатель выглядел как реально ожившая гравюра из исторического романа. Шарль сорвал с себя шейный платок и принялся кое-как перевязывать рану. Привести раненого в чувство оказалось нелегко и тогда

д'Альбер, отчаявшись, начал звать на помощь. От его громкого крика Льюис на миг пришел в себя и заметил, что спаситель одет странно: окутанный в длинный плащ, из-под которого торчала эфес рапиры, а за поясом виднелась рукоять старинного, явно кремневого пистолета.

— Тяжело... дышать... — простонал Льюис.

— Помощь близка, — отрезал Шарль. — Раз мой лучший платок порван ради вас, считая, вы просто обязаны выжить.

На его крик отозвался (а точнее, просто проезжал мимо) бедно одетый извозчик. Шарль мельком взглянул на груду тюков в телеге и догадался, что тот везет шелк к Сене, а оттуда напрямиком в Лувр. Сам возница, судя по всему, совсем не заботился о внешности: даже в полутьме было видно, что одежда на нем поношена и в грязи.

— Эй, ты, с телегой! Здесь человек истекает кровью! Оставь свои тюки и помоги! — скомандовал Шарль.

Тот сначала сделал вид, что не слышит, но д'Альбер рывком пересек дорогу, преградив путь, и откинул край плаща, дав мелькнуть рукояти оружия. Извозчик в ответ лишь флегматично сплюнул и, не торопясь, достал из-под сиденья собственный, не менее древний кремневый револьвер.

— Убедительно прошу вас доставить нас к Лувру, — сказал Шарль, бросая взгляд на раненого. — Там отличные лекари. Поторопитесь и ожидайте золотой награды, а если промедлите, то вздую.

— У меня поручение от самой королевы! Везу ткани ее величеству, — буркнул возница, но в голосе его уже прозвучала неуверенность.

— Тем более! — голос Шарля стал ледяным. — Будешь мешкать, нигде не успеешь и опоздаешь с королевским грузом, мало тебе будет одной виселицы. Позабочусь, чтобы отправили, как нерадивого, в каменоломни. Там, говорят, зимой очень красиво, станешь ледяной скульптурой. Исполняйте или никто вам не поможет.

Извозчик, склонившись вперед и щурясь, всматривался в лицо незнакомца. И, кажется, начал узнавать того самого молодого дворянина, что служил пажом при дворе своего крестного отца, важного государственного мужа. Осознав возможные последствия, он резко сменил тон:

— В такой темноте, сударь, вас и не разглядишь! Давайте грузите вашего господина, пока совсем не околел.

— Вы хотите меня убить? — прохрипел ничего не понимающий Льюис, для которого слова «королева» и «Лувр» звучали как бред.

— Бредит уже. Торопись! — крикнул Шарль, убирая рапиру в ножны.

Извозчик спрыгнул, чтобы помочь поднять раненого, и тут же принялся ворчать: Льюис испачкал половину дорогого шелка своей кровью.

— И откуда на мою голову такое счастье свалилось? — проворчал он.

— Какая разница, если жизнь человека висит на волоске?

— Большая разница! Половину товара залил, а одет как нищий парижский босьяк. Кто он такой?

— По-моему, одежда весьма... своеобразная, — окинул Льюиса оценивающим взглядом Шарль. — Может, путешественник из дальних краев?

— Кажется, это мое последнее путешествие, — бормотал Льюис, то проваливаясь в забытие, то возвращаясь в мир боли и странных голосов.

— Мой долг выходить вас, — твердо заявил Шарль, сжимая кулак. — Эй, мешковатый! Обещаю, если этот человек умрет, я лично выпорю тебя на конюшне Лувра!

Извозчик от страха дернул поводья что есть силы, и лошадь рванула с места, потащив телегу по неровной мостовой.

Телега подпрыгивала на колдобинах, и каждый толчок отзывался огненной вспышкой в боку. Льюис, барахтаясь в полубреду на тюках с шелком уткнулся лицом в прохладное волокно.

В ушах звенело от еле понятных выкриков Шарля и скрипа колес. Эти звуки, запахи и боль были реальны без намека на бредовый сон. Раненый все никак не мог понять главного, почему он очнулся в вонючей лошадиной повозке, а не в такси или хоть на трамвайных путях. Они мчались по Парижу, улиц которого он не узнавал, и единственной надеждой было обещание Шарля показать его врачам. Он цеплялся за эти понятные слова, как утопающий за соломинку, боясь, что если отпустит, то очнется лицом к лицу с тем, что сидело в кресле и молча, наблюдало. Льюис страшился снова увидеть то бледное существо в мантии, от которого чудом удалось улизнуть... А повозка все неслась по темным бесконечным улицам, подгоняемая криками Шарля и недовольным бурчанием перепуганного извозчика.

Глава 10. Франсуа Равальяк

Лион бежал сломя голову в сторону Сены, но не мог отыскать знакомый силуэт моста Марии Медичи. Редкая брусчатка под ногами быстро сменилась липкой, чавкающей грязью. Улицы будто сохраняли знакомые очертания, но в искаженной, уродливой версии, еще уже, кривее, грязнее. Он метался, как затравленный зверь, озираясь и глухо ругаясь сквозь зубы. Ушибленная рука ныла тупой, горячей болью. В короткие мгновения, когда боль отступала, перед ним вставал образ Льюиса, и он снова и снова, с леденящим сладострастием, представлял, как вонзает в того клинок. Не разбирая дороги, он на полном ходу врезался во что-то твердое, как ему показалось, в столб. Однако «столбом» оказался человек, намеренно вставший у него на пути.

Это был мужчина высокого роста, с пронзительным, изучающим взглядом и выражением глубокой, личной озабоченности на лице. Его волосы были уложены с неряшливой, но тщательной вычурностью, что выдавало не бедность, а скорее пренебрежение светскими условностями. Его стройность была жилистой и сухой, а грация движений скрывала стальную пружину готовности к действию. От столкновения он не сдвинулся ни на шаг, лишь чуть встряхнул плечом.

— Иностранец разодетый, — с презрительным смешком произнес незнакомец, поправляя свою помятую, с широкими полями шляпу. Он уже собирался идти дальше, но его взгляд упал на кровь, которая обильно выступала на одежде бегуна. Лион попытался было быстролизнуть, но был остановлен фразой, брошенной четко и тихо: «Одно неверное движение и домой вы вернетесь в сосновом ящике.»

— Что? Медленнее! Какой сейчас год? Где я оказался, что меня домой отправляете? — выпалил Лион, и в его голосе впервые зазвучала растущее, паническое осознание нереальности происходящего.

— Вас разве не учили на родине, что в пьяном виде из дому выходить негоже? — отрезал мужчина.

Лион в отчаянии схватил его за рукав грубой ткани.

— Прошу, ответьте!

— Ладно, прошу вам дерзость и представляюсь первым. Меня зовут Франсуа Равальяк. Если оглянитесь вокруг, то увидите Нотр-Дам и поймете, что находитесь в Париже. На дворе тринадцатый день апреля 1610 года от Рождества Христова.

— Это невозможно! — стоном вырвалось у Лиона. 1610-й?

Глупый розыгрыш и бред сумасшедшего, подумал Лион и судорожно сглотнул, пытаясь найти хоть какую-то опору в этом плывущем мире. Может виной всему падение, и он ушибся головой. Мартези усердно напрягал мозги и вспоминал эту дату. Он знал ее, и она маячила в невыносимых семейных разговорах о альбомах и исторических справках по делам его же рода. И этот человек перед ним... Равальяк. Имя всплыло из глубин памяти, сперва отвратительное, а потом притягательное. Он стоит здесь, живой, дышащий, и тычет в него пальцем. Мир съехал с оси окончательно.

— Теперь вы назовите себя, коли не даете мне пройти, — потребовал Равальяк, и его рука была рядом с длинным кинжалом у пояса.

— Вы из театра, что ли? — попытался съехидничать Лион, но голос непривычно дрогнул.

Равальяк медленно положил широкую, узловатую ладонь на рукоять, и его взгляд стал однозначным ответом: время шуток прошло.

— Я Лион Мартези. Прибыл... издалека.

— С каким намерением в Париже?

— Мне нужно навестить родственников, — соврал Лион, мгновенно сообразив линию поведения и наконец, понимая, откуда это мучительное чувство дежавю. Улицы были знакомы потому, что он видел их старинные планы в архивах.

— Мартези? — Глаза Равальяка сузились, а кисть крепко сжала рукоять оружия. — Вы родственник того мерзкого итальяшки?

— Не понимаю, о ком речь.

— Вы еще спрашиваете, ваша семья повинна во многих несчастьях.

— О чем вы говорите? — Лион делал вид, что не понимает, но холодный пот выступил у него на спине.

— О чем? — Равальяк зашипел, и его глаза разгорелись мрачным внутренним огнем. — О том, что ваш кровник, этот наемный пес, оттяпал у местных честных людей последние клочки земли за выдуманные долги. О том, что один из них, мой молочный брат, гниет в долговой яме, а его семья пухнет с голоду. И все с молчаливого одобрения королевы. Вы все вместе, язва на теле Франции.

— Что ж, скажите это им прямо в лицо.

— До итальяшки не добраться, он ныне при самой власти. А вот вы стоите передо мной, — Равальяк сделал едва заметный шаг вперед. — Руку протянуть и дотянусь.

— Это... против правил, — пробормотал Лион, отступая.

И тут человек из двадцатого века, собрав остатки сил здоровой руки, грубо оттолкнул мужчину из семнадцатого, как ребенка, и рванул в сторону. Он бежал, не оглядываясь, пока хрип в легких не заставил остановиться. Преследователя не было видно, но главная опасность ждала впереди: у самой переправы на Сене стоял патруль из пятерых военных. Они заметили бегущего и окликнули. Взоры их сразу прилипли к окровавленной шпаге за его поясом (револьвер спрятан у поясницы, но в ближнем бою против пятерых он был бесполезен). Спорить с ними, даже вооруженными лишь допотопными мушкетами, Лион не решился.

— Опустите ружья! — крикнул он, делая шаг вперед и стараясь говорить властно. — Я, Лион де Мартези!

В этот момент из переулка выскочил запыхавшийся Равальяк.

— Стой, шельма разодетая! — рявкнул он, хватая Лиона за рукав.

Один из солдат грубо оттолкнул Франсуа.

— Вы в каком кабаке допились до такого состояния? — обратился к ним старший, бравый командир с усами. — Может, и нам туда дорогу покажете?

Его подчиненные дружно загоготали.

— Мы трезвы! — перекрикивая смех, заявил Лион. — Этот человек осмелился оскорбить Винченцо де Мартези, назвал его трусом! Он грозился расправиться со мной, либо с моим родственником. Взгляните, что он со мной сделал! — Лион показал на кровь на своем разорванном и испачканном пальто.

Франсуа остолбенел от такой наглой лжи. Он открыл рот, но не мог выдать ни слова.

Взгляд Лиона оценивающе скользнул по лицам солдат. Усталые, озлобленные, алчные. Он прекрасно узнавал эти взгляды. Наловчился среди мелких чиновников, которых он десятилетиями подкупал и запугивал в префектуре. Механизм заработал сам собой и голос стал более низким, уверенным, в нем вновь ожили медные нотки привычной власти.

— Мой родственник — человек щедрый. И благодарный. Особенно к тем, кто помогает семье в... щекотливых ситуациях. Золотые луидоры пахнут одинаково сладко, в каком бы веке их ни чеканили.

Мартези слишком хорошо умел сочинять на ходу, и это сыграло ему на руку, пока Равальяк не мог опомниться от бесстыдства «иностранца». Солдаты, чье жалованье вечно задерживалось, почуяли запах легкой наживы. Один из них, получив кивок командира, взял из его рук сложенную записку и бросился бежать в сторону города. Пленники под строгим надзором

ждали. Через некоторое время к отряду подскакал молодой гонец и что-то на ухо передал главному. Тот выслушал, хмыкнул и обратился к задержанным:

— Письмо доставлено. Вас ожидают. Барон Мартези желает видеть обоих.

— Он так разгневан? — попытался блеснуть бравадой Лион, хотя внутри все сжалось.

— Первым делом он хочет придушить наглеца, что прикрылся его именем, — усмехнулся командир. — Прошу проследовать! Ах, да, забыл... Также он велел отрезать язык тому, кто посмел усомниться в чести его нации.

Карета, воняющая дешевой кожей и конским потом, подбрасывала их на ухабах. Равальяк сидел, уставившись в одну точку, его пальцы судорожно теребили край плаща. Весь его фанатичный пыл испарился, оставив лишь кислый запах человеческого страха. Лион же, прислонившись к стенке, изучал своего спутника, и его реакция была ожидаема, и в этом была возможность. Равальяк боялся смерти, а человеком, который боится умереть, можно легко управлять. Пусть сейчас их везут как животных на убой, но Лион Мартези не был беспомощным ягненком. Наоборот, он был опасным хищником, попавшим в чужую охотничью западню. И первое действие в западне найти того, кто слабее, и использовать его, чтобы выбраться. Лион закрыл глаза, отстраняясь от боли и тряски, и начал обдумывать первую фразу, с которой обратиться к своему возможному предку, барону Винченцо де Мартези.

Глава 11. Камень братьев

Льюис, приходя в себя чувствовал боль от ран в боку. В тот миг, когда его сознание плыло в тряской карете семнадцатого века, его пронзила давняя, зарубцевавшаяся боль. Воспоминания, которые всегда ждали своего часа, чтобы вырваться наружу. Париж, 1905 год... Льюис Элисон был совсем еще ребенком и не думал, что беззаботное детство может оборваться в одно мгновение. В тот роковой день он вместе с другом, Полом Сайзи, прокрался в пустующие мастерские, словно два маленьких воришки, жаждущих приключений.

— Что мы тут делаем? — прошептал Пол, и его шепот гулко отдавался под высокими, закопченными потолками.

— Тсс! Иди за мной, — так же тихо скомандовал Льюис.

— Льюис, мы совершаем преступление!

— Не волнуйся. Мы всего лишь берем сломанные детали, чтобы потом починить. Это не воровство, это... спасение.

— Нас могут поймать! Что тогда скажут родители?

— Я рискую не меньше твоего, Пол!

— Тогда бери, что нужно, и давай убираться отсюда поскорее!

— Тихо, посмотри в окно! — Льюис прильнул к запыленному стеклу. — Вон там, кажется, братья Сурземи. Джон и Джек без нас в разбойников играют.

— Это те самые ребята, за которыми твоя мама присматривает?

— Да, ей за это платят... Ого, там, похоже, драка! Джон кому-то врезал.

— А Джек что делает?

— Сам посмотри! — сдавленно выдохнул Льюис, и в его голосе прозвучала первая тревожная нота.

Оба мальчика уставились в окно. Льюис прилип к стеклу, оставив на нем отпечаток носа и ладоней. Сначала он не осознал в полном мере, что видит. Джек и Джон, такие же сорванцы, как они с Полом, возились в пыли. Потом он различил третьего, новенького итальянского мальчишку, который всегда молчал, но не сейчас. Из его сжатых в оскале губ вырывался странный, булькающий звук, больше похожий на рычание раненой собаки, а в его руке, поднимавшейся с регулярностью, блеснул булыжник. Льюис уже не различал лиц, только месиво из темных волос, грязной рубахи и внезапных, ярко-алых всплесков, которые казались нереальными, как краска. Но звук был самым настоящим. Отдаленное, влажное чавканье, повторяющийся снова и снова, словно кто-то решил разбить перезревшую тыкву молотком. Их взглядам открылась жуткая картина, как твердый булыжник, созданный для того, чтобы лежать на земле, теперь поднимался и опускался с методичной жестокостью.

— Меня сейчас стошнит, — простонал Пол, отвернувшись и прислонившись лбом к прохладной стене.

Пол больше не мог смотреть, но Льюис, замороженный ужасом, впился глазами в происходящее. Он видел окровавленные лица братьев и того незнакомого мальчишку с глазами, покрасневшими от всепоглощающей ярости. Тот не кричал, а рычал, низко и по-звериному, с каждым размахом заноса камень.

— Надо их спасти! — вдруг крикнул Пол и рванулся к двери.

— Не дури, он убьет и нас! — Льюис из последних сил удержал друга за руку. — Ты видел этот взгляд? Джон — боксер, самый сильный из нас, а он его... Мы ему не поможем... Смотри, тот парень со сломанным носом убегает.

И в этот миг тишину мастерских, а затем и всего переулка, разорвал пронзительный, исступленный женский крик. Кричала мать Льюиса. Она вышла во двор и увидела то, что не мог принять ни один здравый рассудок: изуродованные, залитые алой жижей лица мальчиков,

которых она опекала. В один миг она потеряла пусть не своих по крови, но уже ставших родными детей.

Льюис больше не мог прятаться. Он выскочил из мастерской и подбежал к матери. Ее белоснежное, утреннее еще платье было забрызгано темными пятнами, а руки бессмысленно обнимали безжизненные, перепачканные в дорожной пыли и крови маленькие тела. Вслед за ним подбежал и Пол, бледный как полотно.

— Тетя Элизабет, они начали драться, и тот мальчик взял камень! — выпалил он, задыхаясь.

— Какой мальчик? Где камень? — ее голос звучал хрипло и отчужденно, будто принадлежал кому-то другому.

— Камень... вон там валяется. А он убежал.

— Вы видели его раньше? Признавайтесь!

— Я... я не успел разглядеть, — пробормотал Пол. — Может, Льюис знает.

— Я не знаю, — тут же отозвался Льюис, глядя в землю.

— Скажи мне правду! — схватив сына за плечи и тряся его, закричала Элизабет. Слезы текли по ее лицу, размывая следы крови. — Кто это был?!

— По-моему... пальцы матери сильнее впились ему в плечи так, что хрустнули кости. — приезжий итальянский мальчишка...

— Задира Даниэль?

— Нет... выдавил он сквозь сомкнутые зубы. — Лион, младший в их семье.

— Что вы еще стоите?! — ее крик вернул их в реальность. — Быстрее за жандармами, за доктором! Бегите!

Ревущий, захлебывающийся соплями и слезами Льюис вместе с побелевшим Полом помчались прочь, спотыкаясь о камни. Они бежали, и мир вокруг Льюиса распадался на куски. Пропал запах масла и стружки из мастерской, его перебила сладковатая, тошнотворная вонь. Пропали уверенность, что взрослые все исправят, и что за страшной сказкой всегда следует счастливый конец. Они уже нутром чувствовали, что только чудо могло спасти Джона и Джека. А чудес в этом пыльном, пахнущем железом и кровью городе не водилось.

— Ты веришь в чудеса? — спросил Пол, словно прочитав мысли друга, и его голос сорвался на визгливую, детскую фальшь.

В голове висел визгливый голос Пола, задающий дурацкий, безнадежный вопрос.

Льюис лишь качал головой, не в силах вымолвить ни слова. С этого дня — нет.

Бегущий продолжал смотреть на запястья, которые случайно измазались о кровавые руки матери. Он тер их о брюки, но красные разводы не исчезали. Чудес не бывает, понял он своей детской, вдруг состарившейся душой.

И теперь, много лет спустя, истекая кровью на своей, но одновременно чужой земле, Льюис Элисон снова вспоминал те самые ненасытные до насилия бездушные зенки Лиона Мартези. Ничего не поменялось, просто камень стал шпагой.

Глава 12. Ария лжи

Задыхаясь от бега и притворных рыданий, Лион влетел в родной дом. Пробежав несколько кварталов, он ворвался в прохладный полумрак прихожей и с силой захлопнул дверь, после навалился на дверь спиной, чтобы та с глухим стуком захлопнулась.

— Что происходит? — раздался строгий голос. — Сколько раз говорил не хлопать дверьми! — гремел приближающийся из гостиной бас. В дверном проеме застыл Винченцо Мартези, отец Лиона. Его взгляд, привыкший командовать, метнулся от испуганного лица сына к темным, липким пятнам, размазанным по его рваной рубашке и брюкам.

— Папа, только не кричи. Это не моя кровь, я уцелел.

— Чья же тогда?

— Та... эта сумасшедшая нянька, Элизабет! — Лион всхлипнул, искусственно вздрагивая плечами. — Она убила Джона и Джека!

— Что?! Братьев Сурземи?

— Она взбесилась! Камнем... камнем им головы разбила. Еле ноги унес.

— Пытался им помочь, поэтому на тебе кровь?

— Да, это... — голос Лиона предательски подрагивал. — Я ее от Джека оттаскивал... а она меня тем же булыжникомхватила. Нос, кажется, сломала.

— Гм, симметрии твоему профилю это не добавит, — сквозь зубы процедил Винченцо, пристально разглядывая ссадины на лице сына.

— Отец, страшно... вдруг она и сюда придет?

— Сын, успокойся, — приводя в чувство Лиона, отвечал Винченцо. — Даю слово, эта гадина ответит сполна.

— Но она преследовала меня и теперь знает, где мы живем...

— Не трусь, — пригрозив пальцем, ответил Отец. — В следующий раз ты ее в кандалах увидишь. Муж ее где был?

— Эм... Элисон-старший? — растягивая слова, отвечал Лион. — Был, стоял и это, смотрел...

— Как смотрел?! Разинув рот?

— Просто стоял и наблюдал, — Лион потихоньку надавил на переносицу, стараясь вызвать побольше слез.

— Да что ж за изверги... концы их в воде теперь. — взорвался Винченцо, и его лицо залила густая краска гнева. — Эмили! Где ключи от фиата? Дело не ждет.

— Минуту! — донесся сверху приглушенный ответ.

— Сию секунду, сын в крови!

Эмили сбегала вниз, сжимая в руке связку ключей. Увидев Лиона, она замерла на месте, и ее лицо исказила гримаса животного ужаса.

— Святая Дева... что случилось и кто это сделал?

— Он сам все расскажет, нельзя медлить.

— Куда ты?

— В комиссариат! Чтобы этих выроdkов за решетку упрятать. — рявкнул Винченцо и, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла в буфете, выбежал на улицу.

Лион проводил отца до окна, глядя, как тот грузно усаживается за руль поцарапанного черного седана. Эмили, дрожа, обняла сына, и ее пальцы, холодные и цепкие, впились ему в плечи. Ее голос, полный слез и паники, лился в ухо, но Лион не слушал. Он наслаждался странной, дурманящем внутри себя воспоминанием содеянного. Отдавшись материнским объятиям, он уловил знакомые ноты арии, лившейся сверху, из гостиной, старую пластинку с записью «O mio babbino caro». Звук виолончели обвил его, как шелковая петля, и сознание поплыло.

В забыти ему снова явился тот шершавый камень, теплый и липкий, немой свидетель содеянного.

Глава 13 Самосуд

— Гюстав, он их забил насмерть!

— Элизабет, успокойся, сделай вдох и говори по порядку! Кто? Кого?

— Мальчишки... братья Сурземи... они мертвы!

— Что ты несешь?! Кто это сделал?

— Мартези. Младший, Лион Мартези.

— Отец, я из окна мастерской видел, — голос Льюиса дрожал, но звучал четко, — видел, как тощий Лион схватился с Джоном. Джон ударил его и, кажется, сломал нос, а потом потянулся к брату, которого Мартези до того уже повалил на землю. И тут Лион... он схватил здоровенный булыжник и ударил Джона по затылку. Тот рухнул на Джека. А Лион... он не оставался. Поднимал камень и бил, бил снова и снова...

— Гюстав! — вскрикнула Элизабет, и сигарета выскользнула из ее дрожащих пальцев. — Что я скажу их родителям? Боже, что я им скажу?!

— Из твоих слов ясно лишь одно: совершено чудовищное преступление. Нам нужно найти этого Лиона.

— Зачем искать? Не проще ли сразу в участок?

— Кстати, жандармы уже на месте?

— Я отправила детей за ними, — парировала Элизабет, все еще не в силах поднять упавшую сигарету. — Нас... — начал Льюис, но запнулся. — Нас высмеяли. Не стали слушать, сказали сперва привести родителей.

— Видишь? — нервно развела руками женщина. — Там уже все оцеплено.

— Господи... ошибка на ошибке. Вас как отпустили?

— Нас не отпускали, — Льюис потупил взгляд. — Мы... мы убежали.

— Зачем?! — взорвался Гюстав. — С детьми понятно, но ты, Элизабет! Ты же взрослый человек! Зачем бежать с места преступления?!

В тот же миг дверь дома Элисонов с грохотом распахнулась, вырванная с петель сокрушительным ударом сапога. В проеме, залитые мутным светом с улицы, стояли жандармы, некоторых Льюис узнал и воодушевился. Их командир, широкоплечий мужчина с лицом, покрытым рябиной оспин, рявкнул:

— На пол, всех в пол.

— Вы арестованы по подозрению в пособничестве убийству несовершеннолетних, — сухо, как зачитывая объявление, произнес один из стражей порядка.

— Какой бред?! — взбеленился Гюстав, делая шаг вперед. — Убийца — Лион Мартези. Мой сын все видел, арестовывайте Мартези.

— Заткни пасть, преступник! — раздался из-за спин жандармов слегка хриплый крик.

— Сколько тебе заплатили, продажная свинья?! — заорал Гюстав, узнав в командире офицера Сильвена, с которым когда-то делил стол в трактире.

Гюстава мгновенно скрутили. Сильвен, не торопясь, снял белые лайковые перчатки, аккуратно сложил их и сунул в карман мундира. Лишь после этого он принялся избивать Гюстава, методично, с мокрым чавканьем ударов по мягкой коже. Каждый удар Сильвена отдавался в висках гулом разбиваемой тыквы. Сквозь пелену слез и крови Гюстав видел начищенные, блестящие сапоги офицера, и думал с кипящей внутри яростью: «Он сначала перчатки снял. Боится запачкаться. Свинья». Сквозь кровавый туман в глазах и звон в ушах Гюставу удалось вырваться, оттолкнуть одного из хилых жандармов и, собрав остатки сил, ударить Сильвена в лицо. Хрястнуло. Офицер отшатнулся, выхватил револьвер и взвел курок. В его маленьких, близко посаженных глазах вспыхнула неподдельная ярость.

— Сукин сын! Ну, теперь-то что сделаешь?

— Ты всегда был гнилым трусом, Сильвен. Дерись, если ты мужчина.

— Последние слова. Жду.

— Убийца — Лион, сын Мартези! Ты слышишь?!

— Умрешь лжецом, — вновь, прозвучал хиплый, но уже спокойный голос, от которого по спине пробежали мурашки. Из-за спин жандармов, как из-за ширмы, вышел Винченцо Мартези. Он был безупречен в темном костюме, и от него пахло дорогим одеколоном и свежей газетной бумагой.

— Твой самый младший выродок камнями размозжил головы детям! Ты понимаешь?! — закричал ему Гюстав, и в его голосе хрипела не только ярость, но и последняя, отчаянная надежда на справедливость.

— Кончайте с ним, — равнодушно бросил Винченцо, даже не взглянув на обреченного.

Грянул выстрел. Звук был коротким и оглушительно гулким в тесной прихожей. Гюстав рухнул навзничь, на грубые, некрашенные половицы. На секунду воцарилась оглушительная тишина, в которой был слышен лишь тяжелый, присвистывающий выдох Гюстава и противный, тонкий звон в ушах у самого Льюиса. Потом возник сладковато-медный запах и едкая вонь пороха, который навсегда въелся в стены этого дома. Из-под головы тут же поползла темная, почти черная лужица. Льюис пронзительно вскрикнул, нечеловечески, как раненое дитя зверя.

— Соппротивление при задержании, — Винченцо повернулся к Сильвену. — Так и запишите в протокол.

— А эту — поднять и в наручники! — приказал Сильвен, кивнув на бездыханную Элизабет.

— Она без чувств, господин офицер, — доложил молодой жандарм с бледным, юношеским лицом.

— Неважно, тащи в фургон. А что с отродьем?

— Всех в участок, а там разберемся. У него, поди, родня найдется.

— А труп?

— Дело сделано и теперь это ваша забота. Уберите с глаз долой и очистите помещение.

— Офицер Сильвен, — тихо, едва шевеля губами, позвал Винченцо, ловко сунув толстый конверт во внутренний карман мундира офицера. — Ваше усердие никогда не останется без внимания.

— А что за бред он нес про вашего сына? — Сильвен прищурился, но пальцы уже ощупывали конверт, оценивая толщину. — Ребенок и такое зверство... Не верю.

— Отчаяние, — с деланной грустью вздохнул Винченцо. — Пытался жену выгородить. Ясное дело.

— Более чем. Вопросов нет.

— Осмелюсь попросить... позаботьтесь об их мальчишке. Он-то здесь ни при чем.

— Врете! — закричал Льюис, рыдая и глядя на окровавленное тело отца. — Вы все продажное отребье. Ненавижу.

— Заткните его. — рявкнул Сильвен.

Льюис почувствовал резкую боль в затылке и мир поглотила черная, беззвучная пустота.

Когда фургон с зарешеченными окнами тронулся, увозя безвольное тело Элизабет и Льюиса, один из молодых жандармов, один из тех, кто отослал Льюиса и Пола за родителями, был бледнее мела. Он отвернулся, и его рвало прямо в уличную канаву почти минуту. Офицер Сильвен засекал время и по окончании противного действия закрыл крышку часов. Он сунул брегет в карман мундира, поправил цепочку, затем ухмыльнулся и флегматично наблюдая за судорогами зеленого жандарма, бросил окурочка сигары в ту же лужу блевотины.

Винченцо, стоя у порога чужого, теперь проклятого дома, с чувством выполненного долга медленно натянул перчатки. Дело было сделано быстро, чисто, по-деловому. Шум утих. Он взглянул на темную, липкую жижу на половицах, смесь крови, пыли и чего-то невыразимо гад-

кого и почувствовал лишь холодное удовлетворение. Аккуратно переступив через рубец крови на пороге, он сел в ожидавший его автомобиль. Теперь предстояло самое сложное: донести версию событий до семьи так, чтобы не травмировать и без того потрясенного Лиона. И чтобы эта версия навсегда отпечаталась в его памяти как единственно возможная правда.

Глава 14. Пятно времени

В тряской карете хитрый Лион лихорадочно придумывал уловки и версии, способные спасти ему жизнь. Растерянный Франсуа, ехавший рядом, попытался прервать этот поток.

— Дам слово чести: если вы промолчите о моих речах, то буду обязан вам жизнью.

— А с чего бы мне молчать? Вы сами излили свою ненависть на всю улицу.

— Вы желаете мне смерти?

— Какое мне до вас дело?

Карета вдруг резко дернулась и замерла. Раздался властный голос сопровождавшего их командира.

— Так, вы двое, поменьше болтовни и побольше размышлений о вашем положении! Уже вижу, как вы болтаетесь на виселице.

— Но позвольте, господин командир, — оживился Франсуа, — пока мы не на перекладине, лишь Господь ведаёт, кто взойдет на эшафот сегодня, а кто завтра.

— Остроумно, — процедил командир, делая едва заметный жест подчиненному.

Солдат понял без слов и тут же всадил приклад мушкета Франсуа под дых. Тот согнулся, захрипел и осел на пол кареты. Удар был такой силы, что он не мог ни подняться, ни вымолвить слова.

— Вставайте, вставайте, дорогой философ! С радостью бы продолжил дискуссию, но вас ждут дела. Бесконечно жаль, что наша беседа оказалась столь краткой, — ехидно заметил командир.

Пленников вытащили наружу и повели к замку. В глаза бросался массивный первый этаж, сложенный из неотесанного серого камня. Взгляд притягивал широкий балкон, который несли на своих спинах каменные атланты. Их вырезанная из гранита мускулатура была проработана до мельчайших жил. Второй этаж, из гладкого тесаного песчаника, казалось, парил над этим грубым основанием. Лион безошибочно угадал: внизу, что служебные помещения, а наверху покои господ. Ворота укрепляли бойницы, которые в случае опасности должны были скрываться за свирепыми волчьими головами. Минувя конюшни и кухонный двор, их втокнули в гостиную. Глаза разбегались от обилия диковин. На полу была выложена мозаичная копия «Сотворения Адама», а на сводчатом потолке сияло усыпанное звездами небо. Вся мебель, темная и тяжелая, была украшена одним и тем же гербом: крупная волчица, кормящая зверят, символ власти и бесстрашия этого рода. Лиона грубо толкнули вперед, оторвав от созерцания роскоши.

— Что вы решили? — прошептал, зажимая живот, Франсуа.

— Решил, что вы мой должник до скончания ваших дней.

— Ввести их. — сухо прозвучал грубый приказ из-за дверей.

Войдя в кабинет, Лион на миг ослеп. Интерьер, затмевавший пышностью королевские покои, боролся за внимание с человеком в кресле. И этот человек... он был вылитый дед Лиона, тот самый, что нянчил его в детстве. Волосы — черные, как вороново крыло, лицо с благородными, острыми чертами, в которых читался тончайший ум. Лишь пристальный взгляд мог разглядеть крошечное родимое пятнышко на левом веке, та самая фамильная черта всех мужчин Мартези. Барон был статен, широк в кости, но возраст уже серебрил его виски. Отложив бумаги, он поднялся с кресла, более напоминавшего трон, и заговорил тем самым сухим и твердым, как булыжник, голосом.

— Вы имеете честь беседовать со мной — бароном Винченцо де Мартези. Имя, которое вы дерзнули опорочить, нужно заслужить. Будем предельно откровенны, господа: от этого зависит, увидите ли вы завтрашний рассвет. Кто прикрывался моей фамилией? Кто назвал меня «трусливым итальяшкой»?

— Позвольте вас поправить, — выпалил Лион, делая шаг вперед. — Никаких оскорблений не было. Этого человека схватили по ошибке. Аудиенции у вас просил лишь я.

— Я всего лишь скромный учитель, проходивший мимо, — пробормотал Франсуа, собравшись с духом.

Барон жестом приказал помощнику Эмилю вывести мямлю. Он остался наедине с «разодетым павлином», как мысленно окрестил Лиона. Взгляд Винченцо, полный холодной злобы, было трудно выдержать.

— Так это вы прикрывались моим именем?

— Вовсе нет. Оно принадлежит мне по праву рождения. Зовут меня Лион де Мартези. Выслушайте мою историю, и услышанное заставит вас смягчиться.

— Продолжайте, — отозвался барон, и в его голосе зазвучала насмешка, приправленная недоверием.

— Начну с того, как здесь оказался. Прошу набраться терпения и не перебивать, дабы не упустить ни одной детали.

И Лион, почти не приукрашивая, поведал все: прыжок из 1921 года в 1610-й, дуэль и смерть второго путешественника, которого он оставил там же, где и встретил. В качестве доказательства он указывал на свою странную одежду.

— Кроме того, ваши люди отняли у меня вещи, — закончил он, кивнув на сверток, лежавший в углу. — Они сейчас позади вас.

— Именно эти диковины и не дают мне прервать этот бред. Объясните, например, что это? — Барон ткнул пальцем в шариковую ручку. — И особенно меня интересует вот это: письмо с зашифрованными инструкциями некоему Ричарду Чейзу.

Лион вздрогнул. Письмо. Он о нем забыл.

— Это всего лишь пишущий инструмент моего времени. А в записной книжке обычная бумага, которую вы называете пергаментом. Что до Ричарда Чейза... заочно едва знаком с этим человеком.

Мысленно он рванулся в прошлое, в тот самый день, когда пробирался в дом Льюиса. В полумраке он столкнулся с незнакомцем, на лице которого красовался шрам от виска до скулы. Оба отпрянули в испуге. Незнакомец, решив, что тот живет в этом же доме, просил передать срочное послание для Льюиса Элисона. Лион, не моргнув глазом, представился другом ученого и пообещал «непременно вручить». Распрощавшись, он вскрыл конверт с надписью «Для Ричарда Чейза». Координаты, шифр... Не в силах разобрать тайнопись, он сунул письмо в карман и благополучно забыл.

— Судя по адресу, послание должно отплыть в Лондон! — голос барона вернул его в настоящее. — Вы, сударь, плохо знаете географию, ибо находитесь в Париже. Это отдает шпионажем.

— Вы можете все проверить, когда найдете самого Чейза. — искренне завопил Лион.

— Для меня ни он, ни письмо не имеют ценности. И возникает неувязочка в вашей бредовой истории. — Наклонившись вперед, сухо вставил барон. — Как его найти, если он живет через триста лет после нас?!

Лион, с жалким выражением лица кивал и обдумывал сказанное.

— Вас спасает лишь то, что об одном Ричарде Чейзе, английском джентльмене, я слыхал. И почему-то уверен, что послание для него. А вы что-то не договариваете.

— Ну, раз слыхали, то доставьте. Мне не жалко.

— Голубчик, вот мы и подошли к сути. Как раз, доставлять будете вы, а мои люди обеспечат встречу и снимут копию.

— Как прикажете. Понимаю вашу подозрительность... Уверен, солдаты передали вам и другие любопытные вещи.

— Какие именно?

— Набор пикантных открыток и автоматический револьвер «Webley-Fosbery». У нас в будущем это оружие большой редкости. Оно похоже на ваши кремневые пистолеты, но порядком мощнее и узнается по зигзагообразным пазам на барабане. Превосходная штука, если нужно кого-то убить, — Лион позволил себе улыбнуться. — Можете испытать, если выстрелите в ту вазу. Нужно взвести курок, и спустив курок, вы поймете, что это оружие будущего.

Винченцо побледнел и опустился в кресло, которое, к счастью, выдержало его вес.

— Неужели ты, прохвост, говоришь правду? — прошептал он, уже держа в руках изысканный предмет оружейного искусства и направляя его на собеседника.

— Да взгляните же на меня! — страстно воскликнул Лион, указывая на огромный портрет барона на стене. — Мое лицо, ваша юная копия! Сохраните мне жизнь, и узнаете грядущее. Мои сведения сделают вас могущественнее любого короля.

Барон, движимый смесью скепсиса и жгучего любопытства, взвел курок и нажал на странный выступ. Раздался оглушительный, сухой хлопок, неслышанный в XVII веке. Фарфоровая ваза на камине взорвалась облаком белой пыли и осколков. Лион инстинктивно прикрыл глаза, и в этот миг Винченцо разглядел то самое, крошечное родимое пятнышко на его веке.

— Непостижимо! — воскликнул барон, зачарованно глядя на дымящийся ствол. — Она... испарилась!

Винченцо позвал Эмиля и отдал приказ, изменивший все: обоих пленников поместить под арест в лучшие покои. И никого к ним не допускать, кроме него самого.

Глава 15. Долгожданный разговор

Пока Лион обустривался в покоях барона, смертельно раненому Льюису становилось все хуже. Лекарь, присланный месье Шарлем, отказывался ручаться за выздоровление и каждый раз на пороге читал шепотом молитву. Льюис в полубреду наблюдал, как этот человек невысокого роста, с аккуратными, почти женскими руками, день за днем меняет пропитавшуюся сукровицей повязку. Рана жгла и ныла, отдаваясь глухой пульсацией во всем теле.

Физическую боль затмевали кошмары, которые почти каждую ночь его посещали. Ему снова и снова виделось прошлое: хрип отца, грубое сукно продажных фараонов на своем лице, пустой взгляд матери на скамье подсудимых. Льюис не мог сдерживать слез, просыпаясь в холодном поту. Элизабет Элисон не вынесла несправедливого обвинения и наложила на себя руки прямо в тюремной камере... Изобретатель ловил себя на мысли, что уже тоскует по своей погибшей семье и готов сдаться и умереть.

А потом являлось Оно. Ему чудилось знакомое, но обезображенное лицо шрамом в капюшоне. «Существо» во снах молчало и пристально наблюдало. Больше всего пугала именно эта тишина, густая, всепоглощающая, звонкая в ушах.

Однажды ночью все изменилось. «Существо» в капюшоне не просто смотрело, оно медленно повернуло голову. Льюис ощутил на себе его взгляд, тяжелый и осязаемый, как прикосновение. Заглянув в раскаленные, словно тлеющие угли, глаза, он почувствовал, как воздух выходит из легких, а горло сжимает невидимая петля. Начался приступ удушья. В комнату влетели лекари, суетливо раскрывая свои кожаные футляры. Они возились с ним около часа, и Льюис, сквозь пелену боли, слышал лишь обрывки латинских терминов и тяжелое дыхание. Когда они ушли, он смог сделать первый глубокий, жгучий вдох. Измождение погрузило его в тяжелый, беспмятный сон.

Он пробудился глубокой ночью. В комнате царила непривычная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием догорающих угольков в камине и шелестом занавески у приоткрытого окна, откуда тянуло ночной прохладой. Льюис огляделся. Он лежал в огромной кровати, утопая в перинах. На прикроватном столике стоял глиняный кувшин с водой или вином, он не знал. Отыскав взглядом, свечу в медном подсвечнике, он осмотрел рану. Повязка была свежей, и на ней почти не было предательских темных пятен.

— Можешь не беспокоиться о ней, — произнес чужой голос прямо в тишину.

Льюис дернулся и отшатнулся к изголовью, нащупывая спиной резные дубовые столбики кровати.

— Кто здесь?

— Я на том же месте, что и прежде, — голос был спокоен и... знаком.

— Лион? Это ты?

— Не хочешь узнать, кто мучает тебя кошмарами?

— Хочу, подумал Льюис, и почувствовал, что сердце колотилось где-то в горле. Он взял свечу дрожащей рукой и направил дрожащий свет в темный угол комнаты. В высоком кресле у камина сидела фигура в темно синем или вовсе в черном одеянии, и капюшон скрывал лицо.

Существо не двинулось с места. Лишь тень от капюшона, падавшая на то место, где должно было быть лицо, стала гуще.

— Сплю, — прошептал Льюис, пытаясь убедить себя. Он поднес руку к пламени и ощутил острое, чистое жжение. Нет, не сон.

— Вот видишь, не меня следует опасаться. Берегись поддельного света.

— Зачем ты преследуешь меня? — голос Льюиса сорвался в шепот.

— Прошли столетия, а вопросы у людей не меняются, — ответил голос, и в нем не было ни злобы, ни насмешки, лишь холодная констатация.

— Зачем...

— Не преследую, — прервал гость. — Всего лишь исследую и пришел забрать то, что положено мне по праву долгого ожидания, а это разные вещи.

— И что же тебе положено? Чего ты от меня ждешь? Лучше оставь меня в покое.

— Вставай. «Пойдешь со мной», — устав от разговора, сказала существо, сделав едва уловимый жест рукой.

Льюис не думал подчиняться. Но его тело, словно отозвавшись на невидимые нити, само поднялось с постели. Мышцы Льюиса повиновались сами, против воли разума. Он посмотрел вбок и ужас сковал его окончательно. На кровати, в луче лунного света, неподвижно лежало его собственное тело, с закрытыми глазами и едва заметным дыханием. Ученый отчаянно пытался сообразить, как спастись, но в голову, холодной и тяжелой змеей, заползала мысль: «Умер».

В следующее мгновение он оказался в крошечной тьме. Он желал сделать шаг к кровати, но не почувствовал под собой пола. Попытался вдохнуть, чтобы крикнуть, но не ощущал ни силы в легких, ни в гортани. У него действительно не было тела. Было лишь осознание, что он трепещущий пойманный в банку мотылек. Он осмотрел руки и не увидел ничего, кроме сгустка тумана.

Затем он обратил свое сознание, ибо у него не было теперь ни глаз, ни ушей, в сторону окна. В ночном небе, разрывая полог облаков, кружилась исполинская, беззвучная воронка. Оттуда потянуло ледяным ветром, бездушным сквозняком из небытия. Этот порыв подхватил его, легкое и беспомощное ничто, и понес прочь, в самую гущу вращающейся тьмы.

Глава 16. Гавриил и Самаэль

Льюис пришел в себя в чужой кровати. Голова раскалывалась от боли и гудела, как разбитый колокол. Первая мысль была о воде, сухой, обложенный язык прилип к нёбу. Вторая, что именно от этого обезвоживания и жара он и сходит с ума. Третья принесла облегчение: все, что было, оказалось всего лишь кошмаром, но облегчение оказалось мимолетным. Льюис снова услышал голос, на этот раз тихий, проникающий в самую глубь сознания, от которого сердце рванулось в бешеную пляску, готовое разорвать грудную клетку.

— Ну что вам от меня нужно? — выдохнул обессиленный Элисон, не в силах поднять головы.

— Поразительно, — ответил голос, и в нем звучало нечто среднее между восхищением и холодным изумлением, — как смертный смог воссоздать то, чем должно повелевать лишь божественное провидение.

Льюис заставил себя сфокусировать взгляд. На сей раз в полумраке комнаты он увидел не безликую тень. Перед ним стоял мужчина под солнечным светом, его кожа была бледна, как у альбиноса. Волосы и брови были белоснежные, неестественно белые, шевелюра заплетенна в множество тонких, причудливых кос. А глаза, кажется, те самые, что прежде пылали адским пламенем, но теперь они были холодного, пронзительного голубого цвета, как два осколка зимнего неба. Казалось, бледный гость не моргает, его грудь не вздымается в дыхании. Говорит, почти не шевеля губами, звук будто рождается в воздухе вокруг него. Это пугало. Льюис следил за гостем, и он совсем не дышал, от него ничем не пахло, ни живым, ни мертвым. Только холод, исходивший от его белой кожи, был осязаем, как прикосновение гробовой плиты.

— Ты сумел привлечь к себе внимание Самаэля, — устав от молчания, произнес незнакомец, и его губы едва тронула едкая, неживая улыбка. — Не удивлен.

— О чем ты? — пробормотал Льюис. Больной по-прежнему был слаб и растерян. Он пытался цепляться за логику, а его голос оставался тихим, прерывистым и сиплым от болезни. Льюис напрягся и старательно пытался вникнуть в смысл разговора.

— Ты виделся с ним, когда нарушил ткань пространства и вторгся в прошлое. В твоей эпохе, в прочем, как и в этой он узнаваем под именем Ричард Чейз.

— Ты про то... обезображенное существо со шрамом? Я думал, ты одно из его обличий...

— Нет, но его стоит страшиться, даже когда он далеко. Он властен над снами. Все свершилось именно так, как предрекал Самаэль и тебе удалось создать устройство, искривляющее само время.

— Что? Вы так считаете? — впервые за долгое время Льюиса озарила улыбка. — Представить не мог, что породил на свет то, над чем быются величайшие умы...

— Послушай! — голос Гавриила стал резко жестче. — Ричард Чейз будет всячески тебе препятствовать. Мое присутствие лишь... уравнивает чаши весов. С твоим появлением для нас все может измениться.

— Как это понять? Кто ты?

— Когда-то меня прозвали Гавриилом. Но ты можешь искать меня под именем... Ренард Шеро. Твое счастье, что я услышал о тебе раньше Чейза.

— А этот... «Ричард Чейз»... он хочет помешать?

— Повторю: имя, лишь оболочка. Но есть одна примета, по которой ты его узнаешь всегда.

— Шрам, — прошептал Льюис, и по спине пробежал холодок.

— Именно. А чтобы он не являлся к тебе в снах, прими знак моего покровительства.

Незнакомец протянул руку. На его ладони лежало кольцо из тусклого, похожего на серебро металла.

— Носи его, не снимая. Иначе он найдет тебя прежде срока.

Льюис протянул дрожащую руку, и холодное кольцо скользнуло на его палец. Часть его разума, та, что была ученым, кричала о галлюцинации, о продукте лихорадки и истощения. Но другая призывала принять все на веру. Он хотел задать еще вопрос, о цене, об условиях, о сути этой борьбы, но губы не повиновались. Веки налились свинцом, и его вновь окутала беспробудная, черная ночь.

Настоящее пробуждение было жестоким. Изобретатель открыл глаза в знакомой комнате и готов был уже списать все на очередной сон во сне, на порождение больного рассудка. Но затем он ощутил на пальце холодное, плотное прикосновение металла. Кольцо было непривычно тяжелым. Металл был тусклым, не отражал света, будто поглощал его. Прикосновение к гравировке вызывало странное ощущение, едва уловимую вибрацию, словно под пальцами бился еще один, крошечный и запертый пульс. Он поднял руку. На ней действительно было кольцо и на его щитке были выгравированы две фигуры с обнаженными мечами. Их руки были сцеплены в борьбе за некий предмет, похожий то ли на чашу, то ли на песочные часы. Изображенные фигуры застыли в вечном, яростном равновесии. Чаша (или песочные часы) в их руках казалась центром вселенной, яблоком раздора для непримиримых врагов. Льюис ощутил груз, как будто на него взвалили незримую ношу, но снять кольцо, означало стать уязвимым.

«Кто явится на этот раз?» — устало подумал Льюис, чей разум отказывался принимать новые чудеса.

В этот момент дверь в покои с тихим скрипом распахнулась. В проеме, в сопровождении двух слуг с невозмутимыми лицами, появился сам хозяин дома — озадаченный и суровый месть Шарль. Для Льюиса его властная, слегка высокомерная физиономия вызывала смех, как и манерные позы. Хотя все движения были уверенные, хозяйские. Увидев подрагивания губ Льюиса, Шарль встал прямо, продолжая оценивающе осматривать больного.

Глава 17. Золотая клетка

Первым ощущением была тяжесть, веки налились свинцом, а конечности вовсе не слушались. Затем этот запах: воска, сушеного чабреца и сладковатой затхлости старой крови на бинтах. Льюис застонал, и этот звук, хриплый и чужой, заставил его открыть глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Шарль, и в его голосе прозвучало неподдельное, хотя и сдержанное волнение.

Льюис притворно прищурил глаза. Потолок над ним поплыл и явно был незнакомый, с дубовыми балками.

— Где я? — его собственный голос все так же казался ему хриплым и чужим.

— Наконец-то. Ответьте, как вы себя находите? — прозвучал над ним голос. В нем слышалась бархатистая заинтересованность, приглашающая к доверию, но лишенная суетливости. Это был голос человека, привыкшего, что его слушают.

Льюис медленно перевел взгляд. Над ним склонилось лицо с аккуратной остроконечной бородкой и внимательными, быстро все оценивающими глазами.

— Нахожу себя... сложно сказать. — мямлил Льюис себе под нос. — Кто вы? — каждый слог отдавался болью в пересохшем горле.

— Позвольте представиться — Шарль д'Альбер. — Он слегка склонил голову, движение было забавно отточенным, как у придворного. — И смею утверждать, что фортуна на вашей стороне.

— Повезло? — Льюис попытался приподняться на локте, и мир заплыл туманом.

— Несомненно.

Сбоку, почтительно отступив на шаг, кашлянул другой мужчина. Его осанка была жесткой, а голос сухим и лишенным полутонов, как военный рапорт.

— Простите, месье д'Альбер, что прерываю. — склонив голову, сказал мужчина по правую руку от Шарля. — город уже судачит о двух странных путешественниках, устроивших кровавую дуэль.

Шарль обернулся к нему с легкой, прощающей улыбкой, будто делая снисхождение за бестактность, которую сам же и оживил.

— Ах, да, забываю о светскости. «Мой дорогой Льюис, — он произнес имя с легким вопросительным акцентом, проверяя реакцию, — позвольте представить моих людей». Справа — месье Бернар де Габен, мои глаза и уши в делах практических. Слева — юный, но многообещающий Люсьен де Марен.

Льюис кивнул, и движение отозвалось острой болью в виске. Его собственная попытка улыбнуться превратилась в гримасу.

— Честь... — он сглотнул, — имею. Но почему «странные»? Мы просто..., — выдавил Льюис, и его попытка улыбнуться вышла болезненной гримасой.

— Mon cher, — Шарль рассмеялся коротким, бархатным смешком. — При вас нашли предметы, которые не поддаются описанию... — Вещи, которых нет в кабинетах самых ученых мужей Европы. У меня, например, и он скромно развел руками, — служащего Его Величеству, нет ничего подобного. Это делает вас либо гением, либо колдуном. Я склоняюсь к первому, но чернь... любит второе.

— Колдовство — опасное обвинение, — хрипло сказал Льюис, и его мозг лихорадочно заработал, пытаясь найти безопасный тон.

— О, несомненно! — Шарль сделал паузу, его взгляд снова скользнул по руке Льюиса. — Потому я и предлагаю вам покровительство. В знак... доверия. Вы не расстанетесь, например, с этим бездельным колечком? На память о нашем знакомстве?

— Нет, испуганно дернув руку, ответил больной. Его — нет.

Он знает, — пронеслось в голове Шарля, и внутри него вспыхнуло ликование. Он узнал кольцо. Ту самую безделицу, что когда-то спасла ему жизнь, когда ее дарил еще Генрих, тогда, просто беглый принц, боровшийся за трон. Он верил, что эта реликвия отвела от него шпаги и яды десятки раз. И теперь она здесь, на пальце этого пришельца из ниоткуда, чье тело, вопреки всем прогнозам врачей, отказывалось умирать. Смерть прошла мимо. И Шарль видел в этом знак.

— Мне выпала честь сообщить о вас Его Величеству, — сказал он, следя за реакцией Льюиса. — И он... проявил интерес. Хочет видеть вас, но позже сейчас, он готовится к походу в Юлих... это, впрочем, не важно. Дел много, но ваш случай его заинтриговал.

— Его Величеству? — Льюис почувствовал, как холодеют кончики пальцев. Он заставил себя выговорить: — Кому именно?

Шарль обернулся к своим людям. Его жест, два отточенных взмаха пальцами, был краток и не терпел возражений.

— Mes amis, оставьте нас. Наш гость еще слаб, ему нужен покой.

Когда дверь за Бернаром и Люсьеном закрылась, он повернулся обратно. Его лицо изменилось и исчезла светская игра, остался лишь расчетливый, пронизывающий интерес.

— По окончании дел, вы должны предстать перед Генрихом Четвертым, королем Франции и Наварры. Промедление может быть истолковано... дурно.

— Перед... — голос Льюиса сорвался. В ушах зазвенело. — Генрих... Наваррский? Но это же...

— Помилуй нас Господь, — Шарль покачал головой, но в его тоне не было ни капли сострадания. — Да вы совсем без памяти. — воскликнул Шарль, но в его глазах читался жгучий интерес.

— Что со мной случилось?! — Льюис вцепился в край одеяла, пытаясь обрести точку опоры в уплывающей реальности.

— Обнаружил вас на окраине Сен-Жермена, у стены монастыря, где вы истекали кровью, и я счел христианским и дворянским долгом оказать помощь. — Шарль говорил ровно, но каждое слово было как гирька на чашу весов, склоняя Льюиса к обязательству. — Честное слово, начиная сомневаться в благоразумности сего поступка.

— Кажется, пролежал здесь сто лет, — прошептал Льюис, впиваясь взглядом в резное изголовье кровати. — Какой... какой сейчас год?

Шарль прищурился. Этот вопрос прозвучал слишком искренне для притворства.

— О, mon cher, вам определенно становится лучше, раз просыпается чувство юмора. Добрый знак. — Шарль откинул складки камзола, взял с тумбы колокольчик и встряхнул его. Тончайший, серебристый звон рассыпался по комнате, как дробинки, ударился о стены, заматался под высоким потолком. Шарль хлопнул в ладоши — раз, другой, третий.

Звон еще не успел стихнуть, а двери уже распахнулись.

Слуги входили гуськом, неся тяжелые подносы, и с каждым новым блюдом комната наполнялась новым запахом. Горячий хлеб с хрустящей корочкой, только что из печи, пахнувший мукой и дрожжами так, что рот наполнялся слюной. За ним потянуло жареным мясом — сочным, с золотистой корочкой, истекающим жиром, который шипел и потрескивал, еще не остыв. Пряный аромат имбиря и корицы вплеся в этот пир, закружил голову, смешался с запахом яблок, запеченных с медом. Отдельно несли сыры — мягкие, маслянистые, с благородной плесенью, от которых исходил терпкий, чуть сладковатый дух.

— Ах, mon cher... — Шарль вдохнул полной грудью, зажмурившись от удовольствия. — Bon appetit. Поправляйтесь, голубчик.

Глаза Льюиса разбегались. Он смотрел на стол и не знал, с чего начать. В центре выставлялся огромный пирог с зайчатиной — румяный, с хрустящей корочкой, из-под которой выглядывала начинка, истекающая соком. Рядом паштет из гусиной печени, нежный, как

облако, поданный на серебряном блюде. Каплун, зажаренный до золотистого цвета, пах розмарином и чесноком. Артишоки, припущенные в масле, манили своим тонким, чуть ореховым ароматом. Фрукты — виноград, инжир, апельсины, привезенные из дальних стран, — лежали горкой, и их сладкий, пряный запах смешивался с запахом горячего мяса. И конечно, вино — густое, темное, пахнущее вишней и дубом, разлитое в тяжелые хрустальные графины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.